

Екатерина Богданова

Обрученные небесами

18+

Душа дворянки

Екатерина Богданова
Обручённые небесами

«Автор»

2021

Богданова Е. А.

Обручённые небесами / Е. А. Богданова — «Автор»,
2021 — (Душа дворянки)

«Обручённые небесами» — это продолжение книги «Душа дворянки». Нестор и Юля отправляются в прошлое, и молодой князь возвращается к жизни. Влюблённые счастливы. Вот только жестокий крепостник Виссарион Вяземский прочит сыну в жёны ведьму Маргариту, а графиня Нина Романова категорически не одобряет избранника дочери. Как объяснить родителям, что счастливый брак без любви невозможен? Как заставить их изменить своё решение? Помочь в этом может только чудо.

Содержание

Глава 1. Пробуждение	5
Глава 2. Огненный знак	11
Глава 3. Вопреки всем ветрам	19
Глава 4. В объятиях листопада	24
Глава 5. Испытание длиной в жизнь	30
Глава 6. Ананий	37
Глава 7. Славный вечер у Гавриловых	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Екатерина Богданова

Обручённые небесами

Глава 1. Пробуждение

Всё, что я могла делать в эти страшные минуты или часы, – это думать о прошлом и будущем. Настоящего не было. Или им была... Смерть?

Мой разум порождал причудливые видения. Так он, вероятно, пытался бороться с уже крадущимся за мной по пятам сумасшествием. Сначала я увидела бегущий табун вороных лошадей, затем лошади закаркали и воронами полетели по небу. Потом бесчисленные фигурки ворон, точно размазанные кистью, окрасили всё крошечной темнотой. Но и она сгустилась ненадолго.

Кристалльно-белый луч, как тонкая игла, пронзил чёрную завесу и скрылся. Немного погодя я увидела десятки, а потом и сотни таких же ослепительных лучей.

Я ещё никогда не ощущала такой смертельной усталости: сил едва хватало даже для того, чтобы разлепить веки. После недолгой болезненной дрёмы ко мне вернулся слух. Я услышала тяжёлые шаги и мужские голоса.

Начало постепенно улучшаться и зрение. Я разглядела чьи-то руки в чёрных перчатках, своды высокого потолка и массивную колонну.

– Разойдитесь! – вдруг донёсся до меня как громовой раскат страшный мужской голос, и я зажмурила глаза. – Черви могильные, всех передавлю! Варфоломей, скальпель мне.

Страх оказался сильнее, чем любопытство, и я решила притвориться спящей. Тем временем, я стала чувствовать своё лицо. Локон волос защекотал щёку, а губы стянула нездоровая сухость.

– Скальпель, болван! – вновь оглушил меня требовательный голос.

– Но, ваше сиятельство... – попытался возразить слуга. – Это же Юлия Романова! Ваш сын... Дружит с нею!

– Да будь она проклята – эта дружба, как и все его безрассудные порывы к свету! Дай скальпель, дурень! Не то тебе не поздоровится!

Предупреждение подействовало.

– Ну, наконец-то! – звук потирания ладоней сменился низким самодовольным смехом князя, и я почувствовала, как его холодные пальцы нащупали на моей шее крупный сосуд. – Кровь... Кубок мне, и поживее! Куда девался кубок, дурни?

Я с животным ужасом осознавала, что ещё несколько мгновений – и он убьёт меня. Гибель казалась неизбежной. Однако тот, кого я прежде видела в вороньем обличье, вновь начал бороться за спасение моей жизни.

– Зачем вам эта девушка, барин? – снова вмешался Варфоломей. – На леднике уже есть свежая кровь!

– Ты слишком говорлив, Варфоломей, – упрекнул его хозяин, и звук положенного на стол инструмента позволил мне хотя бы ненадолго перевести дыхание. – Молчи, не то поплатишься за неповиновение! И брюхатую жену твою не пожалею! Дочь, сын, потом снова дочь. На кой чёрт тебе четвертый сдался?

– Не гневайтесь, ваше сиятельство. Дети век свой служению вам и вашему сыну посвятят...

– Ну да чёрт с вами! Пусть рожают. Девка у тебя старшая красивая. Подрастёт – к себе её заберу. Место Арины займёт, скоро станет стара...

Панический страх перебивал во мне все остальные чувства. Я ощущала себя как домашняя птица перед большим сельским праздником.

– А вот и кубок подоспел! – яростно воскликнул Виссарион. – Пора наполнить его!

В этот миг мне с ужасом представилось, что ещё немного – и это чудовище изгонит из моего тела ещё тлеющую жизнь.

– Что здесь происходит, господа? – вдруг зазвучал очень знакомый мне голос.

Я с трудом приоткрыла глаза. Мой взгляд выхватил из толпы чёрных одеяний силуэт Нестора, облачённый во что-то светлое.

– Уже и отца не замечаешь, – вновь зазвучал голос Виссариона, непривычно снисходительный и нежный.

– Доброе утро, отец, – с почтением поприветствовал его Нестор.

– Как спалось тебе? Не тревожила ли тебя луна?

– Благодарю. Почивал отменно.

– Ну вот, опять то же самое. И взгляд всё тот же отрешённый как у дряхлого монаха. И не наскучило тебе меня бесить? – голос Чёрного князя вновь огрубел от гнева.

– Я не знаю, как понять вас, отец.

– Зеркало в раме золочёной – вот единственная икона твоя! Ты должен обожать себя, боготворить себя! Ещё недавно я не мог налюбоваться тобой, в ком воплотилась моя мечта о бессмертии! Но ты снова сидишь взаперти, с колбами да книгами, на служанок не глядишь.

– Дворовые девки меня не привлекают, – признался Нестор. – И никогда не привлекали.

– Каков же ты, а! – воскликнул Чёрный князь. – Кстати у меня прекрасная новость для тебя. Марго Оболенская собирается к нам в гости.

– Марго?! Какого дьявола? Я презираю её! – с омерзением выпалил Нестор.

– Чистая гладкая кожа, дивные очи кошачьи... Высокая грудь, тонкий стан, роскошные волосы, жемчужные зубки. В чём ты мог найти изъян?

– Нрав у неё дурной, хотя и миловидна. Чёрная ведьма и куртизанка!

– Ну, полно, – остановил сына Виссарион. – Ты сам похуже любого колдуна! Или ты думаешь, я не знаю, что ты именуешь занятиями химией?! Не будь глупцом. Вы с Марго великолепную составили бы пару.

– Не станем говорить об этом, – строго и твёрдо произнёс Нестор.

– Отчего же не станем? – полюбопытствовал Чёрный князь. – Не эта ли жалкая девка тебя в смятение вводит?

– Хватит! Пора уже прекратить это безумие! Кто дал вам право так обращаться с Юлией? Почему здесь валяется скальпель?! Я требую объяснений! – воскликнул Нестор так грозно, что на полминуты воцарилось молчание.

– Да что с тобой? Не захворал ли? – усмехнулся Виссарион. – Щёки как зарево кровавое горят! В ад дорога тебе, драгоценный мой. Не через гордыню, не через похоть, так через гнев. Прекрасен демон, гневом обуянный!

Слова Чёрного князя заставили Нестора умерить свой пыл. Очевидно, он понял, что гневные восклицания здесь бессмысленны.

– Мне нужно говорить с вами, отец, – сказал он. – Попросите посторонних удалиться.

– Что тарашитесь? Сгиньте все вон! – рявкнул Виссарион, и комната мгновенно опустела.

– Что ты чувствуешь к ней? Она ангел, не правда ли? – злорадно посмеиваясь, начал разговор Чёрный князь и подлил масла в огонь. – И всё-таки Марго... Скажи толком, чем она нехороша. Ну же, скажи! Не можешь. Ибо нет в ней, ни единого изъяна, ибо плоть твоя от одного лишь её имени...

– Per rectum¹! – перебив отца, яростно выкрикнул Нестор.

– Bravo! – ничуть не удивившись, хладнокровно усмехнулся Виссарион. – Какая ненависть, какая беспощадность в глазах! Я мечтал воспитать тебя таким и воспитал, вопреки

всей навалившейся на тебя неведомо откуда христианской блажи. А впрочем, довольно. Меня мучает жажда. Мне уже не терпится вспороть этой девке сонные артерии!

– Не смейте трогать её! – яростно выпалил Нестор. – Если хотя бы волос упадёт с её головы, я забуду о том, что вы мой отец!

– Не в том ты возрасте уже, чтобы по локонам с ума сходить да по щёчкам нежным, – злобно усмехнулся Виссарион, и его рука грубо откинула волосы с моей груди и сдёрнула с меня покрывало. – Что особенного здесь, скажи мне?! Чернявая, худющая, точно цыганка-голодранка! Будто пёс дворовый, на кости бросаешься. Вот эти стройные ножки – пожалуй, единственное, что в ней действительно хорошо!

– У меня есть к вам одна просьба, отец.

– Какая же?

– Я не сплю ночами, думая о ней, вспоминая её нежный стан, её изящные плечи и длинные тонкие руки....

– Меня сейчас стошнит! – с омерзением перебил Виссарион. – Что тебе надо? Говори прямо!

– Она очень слаба. Наверняка скоро уйдёт из жизни. Но пока прекрасное тело её живо, не поздно исполнить то, о чём я так мечтал, – томным голосом произнёс Нестор, и горький комок унижения и глубокого разочарования застрял в моём пересохшем горле. – Сорвать сей увядающий цветок....

Громкий раскатистый смех Чёрного князя заставил содрогнуться стены усадьбы. Моё растоптанное сердце сжалось в маленький комочек. Я не могла поверить, что мой любимый намеревается совершить такой низкий поступок.

– К чему сия иносказательность? – продолжая давиться дьявольским хохотом, восклицал Виссарион. – «Сорвать увядающий цветок!» Так и сказал бы: «Я желаю её!» Теперь я всё понял! А то уж и впрямь почти поверил, что ты влюбился в эту дохленькую голодранку. Двери будут заперты на ключ, так что делай то, что задумал.

– Благодарю, отец, – последовал какой-то слишком сдержанный ответ Нестора, и тут я догадалась, что он мастерски обвёл Виссариона вокруг пальца.

– Брось благодарить за пустяки.

– Но я со всем почтением, отец....

– Почтенье – цепь стальная, и рабы лишь приковывают себя ею! Цепь ржавеет и травит их ржавчиной всю их жалкую жизнь, однако ни единый раб не в силах её сбросить. Ума они все лишены. Всё мерещится им за работой, что не цепь их тяжёлая звенит, а блестящие монеты в хозяйских ладонях. Ты слишком вежлив, мягок и робок. Тебе двадцать лет! Пора становиться грубее и решительнее. Захотел – бери, пользуйся, и дело с концом! – с усмешкой сказал на прощание Виссарион, и в замочной скважине дверей, хлопнувшихся с тяжёлым грохотом, несколько раз повернулся ключ.

Осознание того, что мы с Нестором остались наедине, приятным волнением стеснило мою грудь. Он медленно приблизился и тихо позвал меня по имени. Я с трудом разлепила веки, и свет, отражённый от золотой запонки на белоснежной рубашке, ударил мне в лицо.

– Не открывай глаза, береги силы. Я знаю, что ты слышишь меня. Мне пришлось солгать отцу. Юля, я никогда не причиню тебе зла! Тебе нужно выпить воды. Хотя бы немного, полстакана, – он приподнял мою голову, и я почувствовала прикосновение к губам прохладного стекла.

Я сделала несколько жадных глотков. Вода избавила меня от сухости во рту и прояснила затуманенный рассудок.

– Бедная моя... Ты так устала! Каждый вздох для тебя сейчас – огромный труд. Но ничего. Сон укрепит тебя, и тебе станет легче.

Ласковое прикосновение его тёплых рук к моему подбородку, три неторопливых и нежных поцелуя в уголки губ – и все печали улетели прочь.

– Засыпай спокойно и ничего не бойся! – прошептал Нестор. – Завтра ты проснёшься и встанешь с постели здоровая и бодрая. Сладких снов тебе, моя любимая!

Я пробудилась от неприятной прохлады и вновь услышала чьи-то разговоры. К счастью, больше никто не собирался убивать меня. Однако недавние события сделали своё дело: я боялась как-либо обозначить себя в этом новом, неизведанном мире. Что-то зловещее и отталкивающее чудилось мне во всём, что меня окружает.

– Ну и зябко же здесь! – воскликнул кто-то поблизости.

Этот голос явно принадлежал молодой девушке.

– Неженка ты, Грунька! Его сиятельство прохладу любит, – надменно произнёс другой женский голос. – Скоро госпожа Оболенская пожалует. Комнату готовить надо. А я с твоей сударыней должна торчать!

– Арина, мы бы давно уехали, коли бы барышня моя не сделалась больна, – начала оправдываться Груня, и я поняла, что эта девушка – моя служанка.

– Барышня твоя могла бы и дома помереть, – злобно усмехнулась Арина, и я сжала под покрывалом кулаки.

– Да что ты говоришь! Как ты смеешь ей погибели желать?! Сердца нет у тебя, собака ты злая. Все вы тут, в усадьбе этой таковы. И хозяин ваш безбожник бесноватый, кровопийца и злодей, ни суда на него нет, ни наказания. Я бы и ногой на эту землю не ступала, коли бы не хозяйка моя....

Душа моя возликовала. Чувство пугающего одиночества начало таять как свеча. Я понемногу стала набираться храбрости для того, чтобы вступить в эту новую жизнь.

– Уймись, дитя, – высокомерно бросила Арина. – Крепостная крепостной рознь. Видишь агаты в ушах моих? Чёрный князь мне их пожаловал. Платье тоже, десятое уж намедни в дар приняла. Даже у барышни твоей такого нет.

– Платье красивое, не спорю, – согласилась Груня. – Я как увидела тебя, так и не поверила, что ты крестьянка. Да наряд такой только на праздник и наденешь. Ни грядку вскопать в нём, ни избу подмести.

– В огородах уж четыре года нога моя не ступала, и из избёнки я давно ушла, – гордо ответила Арина. – Спина от корсетов выпрямилась, ручки стали белы. Комната моя невелика, да уютна, другой и желать не могу.

– Но отчего же барин ваш с другими крестьянками не так милостив? Отчего к тебе одной такой щедростью проникся?

– Другие его сиятельству погибели желают, зверем да извергом его кличут. А я ему покорна и всегда с ним ласкова, – усмехнулась Арина. – Жена у него леденистая и глупая была. Одно хорошо – Нестора Виссарионовича на свет произвела. Он, бесспорно, собою хорош, да молод ещё. К тому же, на крестьянок не глядит. То ли дело батюшка его! Да, вольной его сиятельство мне не напишут и под венец меня не поведут. Но всякая девка дрожит, лишь услышит каблуков моих стук да шелест платья моего. Сразу пол метёт живее да полы до блеска натирает. Знает, что одно слово моё – и кожу с неё розгами сдерут. Что же ты замолкла? Испугалась?

Я не видела лица Груни, но могла догадаться, что история потрясла её не меньше, чем меня. «Как эта женщина могла стать любовницей сумасшедшего душегуба? – недоумевала я. – Какое унижение, какой грех! И всё это ради каких-то платьев и украшений да ради возможности издеваться над другими!»

– Что ты так смотришь? Жизнь так устроена, голубка моя. Ничто не даётся даром, если ты девка крепостная. Сколько дурочек, ручки сложив, сидят и ждут, когда манна небесная на голову свалится. Мечтают, что настанет день, и граф какой-нибудь – да что там граф! –

князь молодой, красавец статный будет мимо на белом коне проезжать, да притомится, в окно постучится, водицы попросит испить. А потом: «Машенька, выходи за меня, я тебя и золотом осыплю, я тебе и вольную дам!» Сказки всё. Не бывает такого в наши дни. Тысячи в империи Российской Машенок да Глашенек, а князей-то на всех не хватает. Вот и приходится девкам век ветхие избы мести да помои выносить. И выходить за пьяницу-соседа, детей рожать от него да его побои терпеть. Ну, полно молчать! Сидишь словно в воду опущенная! Беседой хоть меня развлеки, – забавляясь замешательством моей служанки, засмеялась Арина и похозяйски уселась ко мне на постель.

– А как ты думаешь: любит Нестор Виссарионович барышню мою? – спросила Груня.

– Потешается. От скуки волочится. Нестор Виссарионович весь в своего почтенного батюшку. Хлебнёт чего покрепче с кровушкой свежей да отправится среди ночи к госпоже Марго. Слышала когда-нибудь, как ведьмы смеются? Стёкла дрожат! Свечи я у них не держала, да и без того забавы их известны. Войдёшь к ним наутро – ложе залито вином, бокалы вдребезги, подушки в клочья, вся комната в перьях....

Едкие слёзы ревности обожгли мои глаза. Досада и омерзение заставили поморщиться. Я пыталась уверить себя, что Нестор никогда не предаст меня, однако всё было напрасно. Опасения, вызванные скорым приездом ведьмы, не оставляли меня в покое.

– А по мне так любит, – сказала Груня. – Ведьмами он прежде занят был, теперь всерьёз о женитьбе на барышне моей помышляет. Скучают они очень друг по другу, письма шлют....

– Как же глупа ты, девка! Обожжёшься – поймёшь, что её, любви-то, вовсе нет.

Не в силах больше ждать, я поднялась с постели и, щурясь, вгляделась в два женских силуэта.

– Ах, вы изволили проснуться, мадемуазель! – издевательски зазвучал притворно-ласковый голос Арины. – Какое чудесное исцеление!

Белокурая содержанка Виссариона произвела на меня дурное впечатление. Её равнодушное каменное лицо, стеклянный как у фарфоровой куклы высокомерный взгляд, недобрая улыбка – всё это дополнял дорогой и вульгарный наряд чёрного цвета. Другая крестьянка понравилась мне намного больше. Груня оказалась очень милой круглолицей девушкой со светлыми и ясными глазами и русыми волосами, заплетёнными в тугую и длинную косу. Ей очень шёл надетый поверх белой сорочки голубой сарафан, простой и опрятный, отороченный вокруг шеи красной нитью.

– Барышня проснулась! Слава Богу! – перекрестившись, радостно воскликнула она.

Арина же поправила складки пышного платья из чёрного атласа и, звеня каблуками, направилась к дверям.

– Куда ты? – испуганно спросила Груня.

– К его сиятельству, – расслабленно-важным тоном уточнила Арина. – А ты хозяйке своей, замарашке нечёсаной умыться подай!

– По какому праву ты меня так называешь?! – не выдержала я.

Содержанка Виссариона лишь презрительно взглянула на меня и удалилась, заперев нас с Груней на ключ.

– Желаете подняться, барышня? Давайте помогу! – предложила Груня. – Туфельки надеть извольте! Полы здесь страсть какие ледяные, а болеть уж полно вам, душенька. Больных барин не любит. Вот бесился-то вчера, зверь лютый! Управляющего на меня натравил, хоть и не ихняя я, а ваша. А управляющий-то, старый чёрт, мне оплеух надавал да в кладовке запер. Лишь поутру Арина кладовку отперла....

– Спасибо, – стараясь не обращать внимания на лёгкое головокружение и слабость, негромко сказала я и обулась. – Теперь будь добра, подай мне умыться.

– Сейчас, сейчас! – засуетилась крепостная и принесла кувшин. – Смиловался над вами Господь.... Как я рада!

– Груня, что со мной произошло? Я ничего не помню, – умывшись с её помощью, призналась я.

– Беда с вами случилась, Юлия Александровна, – расчёсывая мои спутавшиеся волосы, не утаила служанка. – Какая вас хворь одолела, не ведаю. Долго без памяти вы были, и Нестор Виссарионович с вами сидел. Косу заплести прикажете, барышня?

– Да, заплети, – кивнула я.

Юная служанка ловко управлялась с моими длинными и густыми волосами. Мне вспомнилось, как когда-то Лариса заплетала меня в холодном школьном вестибюле, напротив треснувшего зеркала. В этот день я впервые увидела Нестора.

– Мне нужно найти молодого князя, Груня, и как можно скорее! Ты знаешь, где он? – спросила я.

– На кухне, наверное. Сказывал, что хочет об обеде для вас похлопотать. Я бы сбегала за ним, коли бы злюка эта дверь не заперла.

– Нам нужно выбраться отсюда! Арина доложит Чёрному князю о том, что я очнулась, и он придёт сюда! – с ужасом воскликнула я

– Барышня, милая, успокойтесь, прошу! – попыталась утешить меня Груня. – Я верю, что Господь нас не оставит.

– Скажи мне, а какой сегодня день? Какое время года за окном? Зима?

– Осень, сударыня, – вдруг донёсся до меня откуда-то бархатный и проникновенный, мой самый любимый на свете голос. – Как же вы позабыли? Нынче ещё октябрь.

Я подняла глаза и онемела от счастья.

Глава 2. Огненный знак

– Нестор Виссарионович! – радостно пролепетала Груня. – Наконец-то вы вернулись! Она продолжала что-то говорить, но я уже не слышала её.

Как преобразило Нестора возвращение к жизни! Он шёл ко мне, высокий и статный, с чарующим блеском в глубоких фиолетовых глазах и лёгким румянцем на щеках. На его губах сияла счастливая улыбка. Его дворянская осанка, свежее лицо и здоровое сильное тело – как непривычно и удивительно всё это было для меня и как естественно для него! Нестор словно всегда был таким, в богатом чёрном камзоле, в белоснежной рубашке с тончайшими кружевами на широких рукавах, в кюлотах и начищенных до блеска французских башмаках.

«Слава тебе, Боже! – мысленно воскликнула я. – Всё получилось так, как мы мечтали. Нестор жив, я жива, мы в восемнадцатом веке... Он укротил время, он повернул его вспять. Настоящий гений! Он трудился не покладая рук столько лет, и Господь, наконец, вознаградил его!»

Нестор почувствовал моё смятение и заговорил первым:

– Доброе утро, Юлия Александровна. Как ваше самочувствие?

Мне хотелось плакать и смеяться. Я просто не могла поверить в то, что мы наконец-то сможем быть вместе.

– Доброе утро, Нестор Виссарионович, – наконец, сказала я. – Со мной всё в порядке.

Я говорила, но Нестор словно не слышал меня, не сводя с моих губ своих живых, но неподвижных, горящих как фиолетовые самоцветы глаз.

– Со мной что-то не так? – спросила я, пытаюсь выяснить причину его затянувшегося молчания.

– Вы прекрасны яко ангел небесный, – кратко и отрешённо, на выдохе прошептал он, и его глаза вдруг виновато опустились, а щёки неожиданно окрасились умильным румянцем смущения.

Я едва удержалась от того, чтобы позабыть о жёстких приличиях, вскочить с постели и прижаться к нему. Мне не терпелось услышать, как он дышит и как бьётся его ожившее сердце.

– Да, так и есть, – сказал Нестор и, склонившись к моему уху, перешёл на жаркий соблазнительный шёпот. – Моё сердце навеки ваше, сударыня.

Мне захотелось шепнуть ему ответное признание, но он очень скоро отстранился. Груня, которая стояла прежде поодаль, у окна, внезапно приблизилась к нам, явно желая напомнить, что нас в комнате трое и что нам стоит вести себя скромнее.

– То, что случилось с тобою, – настоящее безумие, Юля, – сказал Нестор. – Но эхо прошлого едва ли могло затихнуть в твоей душе. Неужели тебя никогда не посещали странные воспоминания? Неужели ты не чувствовала, что отличаешься от ровесников? Неужели та эпоха ничуть не докучала тебе? Прислушайся к себе и поразмысли о том, где ты родилась и каково твоё настоящее предназначение.

Нестор был прав. Где-то глубоко-глубоко в моей памяти, за семнадцатью годами жизни в двадцать первом веке, были погребены очень смутные и отрывочные воспоминания о прежней, прервавшейся в конце восемнадцатого столетия жизни. Во времена, когда Нестор, вопреки всем преградам, был рядом со мной. Во времена, которые каким-то чудом вернулись, снова став моей реальностью....

– Я помню какое-то пышное голубое платье, комнату с двух окнами.... В Вяземске у меня не было фарфоровых кукол, но я отчего-то помню их. Ещё я помню маму. Не в халате и стоптанных тапках, а совсем другую. Таковую нарядную, утончённую. Иногда строгую. Она бранила меня за то, что я зажигала свечу и читала по ночам. Помню и тебя, но почему-то очень плохо. Быть этого не может! – прошептала я.

Тогда я впервые увидела в его холодных и мудрых, не по возрасту серьёзных глазах простое человеческое счастье. Нестор тихо засмеялся. Моё тело подалось ему навстречу, готовое безропотно раствориться в крепких объятиях. Я с трудом отстранилась и потупила взор, одолеваемая приступом мучительной нежности, которую решила скрыть в присутствии крестьянки.

Груня наблюдала за нами в каком-то странном остолбенении. Её щёки рдели как маковый цвет, а дымчато-серые глаза выражали изумление, волнение, порою даже страх.

– Барышня, да вы бы хоть укрылись! – сорвалось с её губ строгое замечание. – Где же видано это? Князь на вас не одетую смотрит!

– Не бойся, я не причину барышне вреда, – обернувшись к Груне, убедительно сказал Нестор. – Особенно в присутствии такой надёжной заступницы как ты.

– Всё вы, князь, изволите шутки шутить, – поправляя бретели на моих плечах и набрасывая на меня покрывало, нахмурилась Груня. – А мне честь барышни дороже моей жизни будет.

– Не ты ли барышне такую прекрасную косу заплела? – забавляясь поведением крепостной, спросил Нестор.

– Я, ваше сиятельство. Я нынче ещё учусь шёлком и бисером шить.

– Дорого бы заплатил за умницу и мастерицу такую, – улыбнулся он.

– Спасибо вам на добром слове, князь, – поблагодарила Груня. – Только хозяйка и за тысячу рублей меня не продаст. Правда, барышня?

– Ни за что не продам, – ответила я и засмеялась.

– Я бы тоже не продал своего Варфоломея, сударыня... А волосы ваши краше только стали, – нежно разгладив на ладони один из моих тёмных вьющихся локонов, улыбнулся Нестор. – Беспокоит вас что-нибудь?

– Голова немного кружится, – призналась я.

– Это не страшно. Очень скоро это должно пройти. Теперь мне необходимо послушать, как бьётся ваше сердце, сударыня, – произнёс он. – Расслабьтесь и позвольте вашу руку.

Какова же была моя радость, когда вместо болезненного холода шершавой белой кожи я вдруг почувствовала приятное живое тепло сильной и ласковой мужской ладони! Он со вниманием считал удары моего сердца в течение минуты. Всё это время его нежный взгляд медленно скользил по моему запястью, по линиям моей ладони и по моим тонким пальцам.

– Нестор, а твоё сердце? – с улыбкой прошептала я. – Оно бьётся как раньше?

– Даже сильнее, чем раньше, – не отпуская моей руки, без промедления ответил он. – Я чувствую себя превосходно. А вот вы, сударыня, нуждаетесь в поддержке и заботе до тех пор, пока не вернутся к вам жизненные силы и все воспоминания ваши. Пойдите-ка. Я должен точно выяснить, нет ли у вас жара.

Он наклонился ко мне, и я почувствовала на своём лбу его горячий, но лёгкий и чистый, как пламя венчальной свечи, поцелуй.

– Князь, окажите милость, извольте вести себя скромнее! – с неожиданной серьёзностью выпалила Груня. – И вы, Юлия Александровна... Где же благовоспитанность ваша?! Маменька ваша не видит! Заперла бы вас в комнате, а меня розгами бы угостила!

– Полно тебе переживать, красавица. Это всего лишь медицинский осмотр, – попытался успокоить служанку Нестор. – Неужели тебя никогда доктора не осматривали?

– Бабка Аксинья меня в детстве травами лечила.

– Благородным девицам подобает обращаться к врачам, а врачи – это всегда мужчины, любезная, – привёл неоспоримый аргумент Нестор.

– Вы бы лучше хозяйку мою обедом накормили. Батюшка ваш окаянный её голодом едва не заморил!

– Твоя правда, – не стал спорить Нестор. – Как насчёт горячего куриного бульона и ржаных сухариков, сударыня?

– Я была бы очень признательна вам, сударь, – ответила я.

– Собери-ка вещи барышни и отыщи кого-нибудь из слуг, – приказал Груне Нестор. – Спроси, где моя спальня. Любой покажет тебе дорогу.

– Но как же барышня? – замешкавшись, залепетала Груня.

Она явно боялась оставлять нас наедине.

– О ней не беспокойся. Она скоро придёт.

– Слушаю, князь... – недоверчиво хмурясь, ответила Груня, но тотчас скрылась за тяжёлыми дверями.

Секунда, другая – и мы не удержались от счастливых и крепких объятий.

Тысячи медовых цветов разом расцвели в моей груди, обласканные горячими лучами взошедшего на рассвете светила. Это было то, чего я никогда не чувствовала раньше – застенчивое желание не только любоваться им, но и нежно прикоснуться к нему снова и снова.

– Бедная моя... – донёсся до моего слуха его проникновенный полушёпот. – На что ты пошла ради меня! Что ты вытерпела! Это адские муки. Это удел самых безнадёжных грешников в преисподней!

– Я не могла не пройти их следом за тобой, – тихо ответила я.

– Но я был мёртв, я ничего не чувствовал! – возразил Нестор. – Я камнем свалился на дно купели и уничтожил свою сухую мумию без жалости. Чувства вернулись ко мне только здесь. Иное дело ты, живая! Как ты не прокляла и не возненавидела меня, когда терпела смертельную боль? Ты ведь понимала, что этот раствор был приготовлен моими руками, что это я убиваю тебя!

– Ты не должен винить себя, ведь ты меня не принуждал. Я сделала выбор, я сама пошла на это. И я ничуть не жалею! Да, твой отец – ужасный человек, но ведь родителей не выбирают. В том, что он таков, нет твоей вины.

– Я предполагал, что отца приведёт в ярость твоё появление в доме, поэтому, едва очнувшись, приказал Варфоломею позаботиться о тебе.

– Варфоломей заступался за меня как мог, – вспомнив недавние страшные события, сказала я. – Он очень храбрый человек, он совсем не такой как остальные.

Мои слова обрадовали Нестора, и он похвалил меня за мою проницательность:

– Варфоломей – единственный человек в этом имении, которому ты можешь доверять точно так же, как и мне... Хотя есть кое-кто ещё.

– Кто же? Кому ещё я могу доверять?

– Позже мы обязательно поговорим об этом. А сейчас вставайте. Нам пора, сударыня.

– Но там же Виссарион! Он увидит нас, и тогда всё кончено! Он разлучит нас с тобой. Он убьёт меня! – задыхаясь от ужаса, воскликнула я.

– Я не боюсь его, Юля, и ты тоже не должна его бояться! – воинственно произнёс Нестор и поднял меня на руки. – Ты моя невеста. Я принял решение быть с тобой, и никто не встанет на моём пути!

Вскоре мы оказались в уже знакомой мне сумрачной зале с великолепным камином и обтянутым красным бархатом диваном с резными ножками. Высокие узкие окна словно пожирали всякий солнечный луч, коснувшийся стекла. Углы помещения тонули в необъяснимом, неестественном мраке. Из них доносился то странный шорох, то шипение, то скрежет.

– Не бойся ничего, любовь моя, – заметив мой страх, прошептал он. – Тебе ничто не угрожает!

Мы поднялись на второй этаж. Нестор осторожно поставил меня на ноги в тени массивной круглой колонны, возле дверей, украшенных строгой готической резьбой. Он властно заключил меня в объятия и решительно привлёк к себе, не сводя бездонных, горящих желанием глаз с моих губ.

– Нестор... – отведя глаза, смущённо прошептала я, но его тёплая рука ласково коснулась моей щеки, заставив наши взгляды снова встретиться.

– Один поцелуй в знак вашей любви ко мне, сударыня, – прошептал он, и я доверчиво закрыла глаза, и резкий оклик оборвал наше минутное забвение.

– Попались, голубки! – с издевательской усмешкой выпалил скрипучий и неприятный мужской голос, и мы с Нестором резко отстранились друг от друга.

Мне не составило труда узнать в мужчине, который помешал нам, Поликарпа – главного приказчика Виссариона. Его залезанные назад жирные волосы, вечно сощуренные желчные глазки, огромный крючкообразный нос – всё это было мне уже знакомо. Едко-красное и неопрятно торчащее жабо делало управляющего похожим на драчливого петуха. Поношенный тёмный камзол с барского плеча и истёртые французские башмаки выдавали стремление Поликарпа во всём походить на хозяина.

– Что за дурацкая манера подкрадываться? – гневно возмущился Нестор. – Какое тебе дело до нас? Твоя обязанность – выполнять все поручения своего господина, вести хозяйство и следить за прислугой в этом доме!

– Да-да-да, я обязан выполнять все поручения своего господина, даже те, что касаются вашей особы. . . .

– Что тебе угодно? – перебил его Нестор. – Говори по существу, мне предстоит безотлагательное дело.

– Его сиятельство будут рады, что вы вновь снизошли до таких дел! – цепляясь к словам, съязвил Поликарп. – Только пассию вашу вряд ли одобрят.

– Его мнение о моей будущей жене мне безразлично, – отчеканил Нестор, и меня поразила его храбрость и невозмутимость.

– Как вы сказали? Жене?! – покатываясь со смеху, воскликнул Поликарп. – Держите меня семеро!

– Что думаешь ты на этот счёт, меня подавно не волнует. Говори, зачем явился, или ступай откуда пришёл, – потребовал Нестор.

– Его сиятельство приказали тело забрать да к ним в покои снести, – наконец, дал вразумительный ответ главный приказчик. – Являюсь в комнату, значит, а там ни покойницы, ни девки, что за ней ходила. . . .

– Зачем отцу понадобилась Юлия? – гневно переспросил Нестор и заключил меня одной рукой в спасительные ласковые объятия.

– Быть может, на досуге препарировать хотели. А может, затем же, что и вам. Отчего бы и нет? – насмешливо ответил Поликарп. – Не будем медлить однако. Его сиятельство грозились удавить меня, если тело не будет доставлено к ним в срок. . . .

Главный приказчик решительно шагнул вперёд, но Нестор выхватил шпагу. Оружейный металл, сверкнув подобно молнии, заставил управляющего отшатнуться, упав спиной на колонну.

– Вы поплатитесь за это! – отряхивая одежду, завопил обозлившийся Поликарп. – Чёрный князь этого так не оставит! Бьюсь об заклад, что они немедля к вам пожалуют, как только правду узнают.

– Пошёл вон! И чтобы духа твоего здесь не было! – бешено сверкнув глазами, выкрикнул Нестор так грозно, что я вздрогнула: настолько сильно он напомнил мне в эту минуту Виссариона.

– Что ж, прощайте, – насмешливо бросил главный приказчик и спустился вниз.

Мы вновь остались вдвоём, но прежнего покоя и любовной безмятежности как не бывало. Нестором не овладел страх, но неприятный разговор с управляющим опустил его с небес на землю. Мы оба осознали, что между нами по-прежнему стоит исполинская и страшная тёмная сила, только теперь не в образе безликой смерти, а в лице сумасшедшего Чёрного князя.

– Поликарп всё расскажет, – не покидая его объятий, негромко поделилась своим опасением я.

– Бог с ним, пусть доносит, – произнёс Нестор. – Мы не сможем прятаться вечно. Я сделал выбор, и чем раньше отец узнает об этом, тем быстрее он с этим смирится.

Тут дверь осторожно приоткрылась, и перед нами появился Варфоломей. Какое-то неведомое предчувствие подсказало мне, что именно этот мужчина неоднократно прилетал к моему окну в обличье крупной чёрной птицы и что именно он принёс мне однажды драгоценное кольцо.

Меня поразило лицо Варфоломея, на котором, несмотря на исправную многолетнюю службу жестокому тирану, не появилось ни маски озлобленности, ни печати безразличия. Спокойное и добродушное, оно было озарено ровным пламенем зрелой размеренной жизни. Каштановые с лёгкой проседью волосы, небольшая благородная бородка, сеточки неглубоких морщин на лбу и во внешних уголках глаз, ясный и мудрый, исполненный какой-то отеческой доброты взгляд... Во внешности Варфоломея не было ничего, что могло бы вызвать подозрение, отвращение или страх.

– Пожалуйте отобедать, барин, – поклонившись, сказал слуга и дружелюбно улыбнулся мне. – Рад видеть вас в добром здравии, барышня.

– Спасибо, что были со мной в трудный час, – поблагодарила его я. – Если бы не вы, я бы вовеки не очнулась.

– Не стоит благодарностей, Юлия Александровна, – сдержанно ответил Варфоломей.

Нестор галантно пропустил меня вперёд. Я вошла в незнакомую комнату и осмотрелась.

Узкие окна были завешены тяжёлыми шторами, и поэтому в комнате царил загадочный сумрак. Даже в спальне Нестор держал много книг: десятки корешков коллекционных изданий заманчиво поблёскивали на полках шкафов. Горящие свечи озаряли мягким золотисто-оранжевым светом обитый тёмным бархатом диван и небольшой квадратный столик, накрытый на двоих.

Уже на пороге меня охватило приятное головокружение от запаха свежеприготовленной пищи. Белоснежная фарфоровая супница, два глубоких блюда с ароматным бульоном, сухари из белого и ржаного хлеба, соусница со сметаной и два серебряных прибора ждали нас на столе.

В глубине спальни, за двумя величественными колоннами угадывались очертания старинного комода на изогнутых ножках, высокой интерьерной ширмы в углу и роскошного дворянского ложа с тяжёлым тёмным балдахином, слишком просторного для того, чтобы спать на нём в одиночестве.

– Здесь уютнее, правда? – негромко спросил Нестор, и мне в глаза бросился ярко-красный предмет, который валялся рядом с ножкой дивана.

– Откуда здесь это? – подняв украшенный крупными алыми перьями женский веер, спросила я.

На помрачневшем лице Нестора изобразилось сначала удивление, а затем неприязнь. Он поспешно забрал у меня странную находку.

– Откуда это здесь? – с недовольством взглянув на Варфоломея, раздражённо спросил Нестор.

Преданный слуга только пожал плечами:

– Не гневайтесь, барин. Ей-Богу, не знаю. Бьюсь об заклад: никто не заходил. Да и как ему было зайти? Окна завешены, дверь заперта. Быть может, опять Маргарита?

Нестор уже был не в духе, но опрометчиво произнесённое Варфоломеем имя ведьмы просто взбесило его.

– Не произноси при мне и моей невесте это имя! – выкрикнул он и попытался сломать складную вещицу, но веер, как ни странно, не поддался.

– Слушаю, барин, – виновато опустил голову Варфоломей.

«Почему Нестор так злится, когда кто-то напоминает ему об этой ведьме? – подумала я, вспомнив его недавний разговор с Виссарионом и с главным приказчиком. – Если бы Нестор

забыл о ней, все его разрушительные чувства, верно, давно бы уже улеглись. Значит, он всё ещё помнит её... Да и возможно ли забыть свою первую любовь?»

– Юля, что с тобой? – взволнованно спросил он. – Юля, ты в чём-то подозреваешь меня? Не делай поспешных выводов. Я готов тебе всё объяснить!

– Нестор, я знаю, что ты жил с этой женщиной, – вспомнив старую историю о порочной обольстительнице, наконец, сказала я. – Но ведь ты рассказывал мне, что вы давно расстались, что она изменила тебе....

– Так оно всё и было. Но теперь она ничего для меня не значит.

– Тогда почему её вещи до сих пор в твоём доме? – стараясь не показывать своего волнения, спросила я.

– Я избавился от всех её вещей, которые она не забрала, – ответил он.

– Но этот веер... Как он здесь оказался?

Нестор глубоко вздохнул, нахмурил брови и немного прошёлся по комнате, собираясь с мыслями.

– Мы расстались год назад, но её чувства ко мне до сих пор не остыли. То и дело она так или иначе напоминает о себе, – яростно сминая пальцами алые перья, признался Нестор. – Однажды я едва не сломал зубы об её заколку-змею с рубиновым глазом, спрятанную в пироге. Другой неприятный случай произошёл на балу в Петербурге. Я запустил руку в карман, но вместо белоснежного платка извлёк оттуда её алую шёлковую утирку с кружевами.

– Отчего же ты раньше не рассказывал об этом? – спросила я.

– Я надеялся, что с твоим появлением в этом доме всё изменится, что она поймёт, что я люблю другую, и отступит, – признался Нестор. – Однако эта женщина очень упряма. Две недели я не знал покоя по ночам. Стоило мне забыться сном, как она являлась ко мне как наяву и вела себя со мной как самая неисцелимая блудница. Некоторые друзья завидовали мне, но эти сны не доставляли мне никакой улады. Проснувшись, я не мог есть от отвращения. Я ходил в церковь, исповедовался и причащался, пытался усерднее молиться. Но всё закончилось только тогда, когда я случайно обнаружил в своей подушке её рубиновый гребень и сжёг его. Теперь ей вздумалось оставить здесь свой веер. Ей явно захотелось посеять зерно сомнений в твоём сердце. И она вряд ли успокоится на этом.

– Ты хочешь сказать, что она подбросила его, чтобы заставить меня ревновать? – стараясь рассуждать трезво, предположила я.

– Я рад, что ты поняла всё правильно, родная, – вздохнув с облегчением, улыбнулся Нестор. – У каждой ведьмы есть особый дар, и она не исключение. Не существует стены, сквозь которую эта ведьма не смогла бы пробраться!

– Так значит, Маргарита может когда угодно прийти к тебе в спальню? – теряя контроль над собой, воскликнула я. – Даже когда ты спишь? Господи, зачем ты мне об этом рассказал?

– Юля, я клянусь тебе... Я больше не посмотрю на неё! – прижимая меня к груди, пообещал Нестор.

– Но она ведьма! Она может опоить тебя, завлечь, околдовать! – выкрикнула я, чувствуя, что уже не принадлежу себе, а бессильно погибаю в плену горькой ревности и отчаяния. – Ведь когда-то Маргарите удалось сделать это! Может быть, удастся и сейчас!

– Раньше сердце моё было ветрено, необузданно, одержимо порочными страстями, – с ненавистью к себе прежнему произнёс он. – Теперь всё изменилось. Теперь оно любит, Юля. Любит только тебя. Не позволяй ей красть покой и радость из твоей души. Эта женщина не стоит твоих чистых слёз.

– Нестор, я верю тебе, – глубоко вздохнув и собравшись с мыслями, призналась я.

– С ней покончено. Как с этим веером. Раз и навсегда! – жёсткий веер громко хрустнул в его руках, и на паркетный пол упало несколько алых перьев.

– Ступай в гостиную и брось его в огонь. Немедля! – обратившись к слуге, распорядился Нестор.

– Слушаю, барин, – Варфоломей удалился так поспешно, будто веер уже горел и невыносимо жёг его руки.

Только сейчас я заметила, что поодаль, у неосвещённой стены просторной спальни сидела Груня. Подле неё, на круглом подносе стоял изысканный чайный сервиз и трёхъярусная вазочка со сладостями и фруктами.

– Угощайтесь, сударыня. Ваш бульон вот-вот остынет, – усадив меня на диванчик, Нестор расположился рядом.

– А как же Груня? – напомнила ему я. – Мы ведь накормим её?

– Безусловно. Налей себе супа, любезная, – сказал служанке Нестор. – Здесь и на троих более чем достаточно. Налей да садись подле нас.

– Спасибо вам, барин! – поблагодарила Груня и нерешительно открыла супницу. – Ох, тут на двух господ бы ещё хватило! Да вот только за барским столом мне не место.

– Нет, любезная, ты перечить не изволь, – забавляясь поведением Груни, настоял Нестор.

– Юлия Александровна... – обратилась ко мне Груня, и я поняла, что она не может послушать Нестора без разрешения хозяйки. – Можно?

– Конечно, садись! – разрешила я и с наслаждением проглотила первую ложку горячего и ароматного бульона, а после закусила её белым хлебом.

Груня несмело опустила на стул, но долго не решалась приступить к обеду, смущённо улыбаясь и разглядывая дорогую посуду.

– Кушайте вдоволь, сударыня. Вам необходимо как можно быстрее поправиться, – заботливо произнёс Нестор и перевёл взгляд на Груню. – А ты что робеешь, любезная?

– Да вот, ваше сиятельство, люблюсь. Как у барышни, тарелочка своя фарфоровая, золотом расписана, ложечка посеребрённая, – восторженно ответила Груня, однако вскоре преодолела смущение и принялась за еду.

Ощущая приятную тяжесть в животе от вкусной и полезной пищи, я чувствовала, как меня клонит в сон. Управившись с бульоном, я прилегла на мягкую спинку дивана рядом с Нестором, а немного погодя и на его плечо.

– Спасибо, барин. Прикажете чай подавать? – спросила повеселевшая после обеда Груня.

– Сделай милость, – ответил Нестор и, улучив момент, когда служанка отвернулась, нежно коснулся моей щеки устами.

Горячий ароматный чай с мятой немного взбодрил меня, а поданные к нему сладости быстро подняли настроение. Во время чаепития раздался осторожный стук в дверь.

– Прошу прощения, барин, – учтиво поклонился Варфоломей и затворил двери. – Нынче субботний день. Не угодно ли вам будет выпариться в баньке?

– Да, распорядись затопить! – не раздумывая, повелел Нестор.

– Слушаю, барин, – учтиво поклонившись, пообещал Варфоломей.

– Вам тоже не помешает искупаться, сударыня, – посоветовал Нестор, нежно касаясь моего лежащего на подлокотнике дивана запястья. – Можете взять с собою и вашу защитницу, если будет угодно.

– Я не против, – не отнимая руки, улыбнулась я. – Мы пойдём вечером?

– Да, после вечерней прогулки, а сейчас... – он таинственно понизил голос. – Нам нужно остаться наедине и поговорить о нашем будущем.

Тем временем, Варфоломей, захватив поднос с грязной посудой, бесшумно удалился.

– Агриппина, – обратился к моей служанке Нестор, – мы не хотим больше задерживать тебя. Наверняка ты устала и хочешь отдохнуть. Как только твоей барышне что-то понадобится, она тебя позовёт.

– Но как же так, Юлия Александровна? – замялась она. – Как я в чужой опочивальне с мужчиной вас оставлю?! Нина Алексеевна наказывали от вас ни на шаг не отлучаться!

– Груня, я прошу тебя... – заговорила я, и, к счастью, Нестор вновь пришёл мне на помощь.

– Твоя преданность графине похвальна. Однако я уверен, что личное счастье Юлии Александровны тебе тоже не безразлично. Я думаю, это поможет тебе принять правильное решение, – он завернул в бумагу горсть засахаренных орехов, несколько воздушных пастилок и два пирожных.

– Да что вы, ваше сиятельство? Как можно? – восторженно разглядывая диковинные лакомства, воскликнула Груня. – Я такого прежде и в рот не брала!

– А это чтобы ты уж слишком не скучала, – Нестор положил на Грунину ладонь несколько блестящих монет. – Скоро зима. Ступай на базар, купи себе новую душегрею, валенки, шерстяные рукавицы да меховой платок потеплее.

Я всё больше удивлялась щедрости и находчивости Нестора. При виде денег Груня растерялась, и я поняла, что мне следует разрешить ей принять их.

– Бери, всё бери, не бойся, – простодушно сказала я.

– Правы вы, лишняя я здесь. Какая уж нам, крестьянским девкам, любовь... – обернувшись у двери, грустно улыбнулась Груня. – Кто первый посватается, за того родители и выдают. Не старик бы да не пьяница. Уж и тогда вся деревня завидовать будет. Что ж, побегу. Только будьте благоразумны, Юлия Александровна.

– Вот и правильно. Ступай себе с Богом! – сказал ей на прощание Нестор.

– Спасибо, князь, – сказала Груня и послушно удалилась, оставив нас наедине.

Глава 3. Вопреки всем ветрам

Нестор несколько раз повернул в замочной скважине ключ, и это немного успокоило меня. В то же время осознание того, что мы оказались наедине, стеснило томительно-сладким волнением мою грудь.

Даже в присутствии Варфоломея и Груни я не могла не замечать того, как Нестор неотрывно любит меня, хотя и держит в тугой узде свои чувства. Теперь, когда мы остались вдвоём, внешняя сдержанность несколько уступила врождённой пылкости его натуры.

– С вашего позволения, сударыня, – с интонацией извинения произнёс Нестор и снял богатый камзол. – Надеюсь, мой домашний вид не оскорбит вас.

Он остался в белоснежной рубашке с широкими рукавами и перламутровыми запонками на кружевных манжетах и в чёрных кюлотах.

– Что вы, сударь... – смущённо улыбнулась я, виновато окинув взглядом свою лёгкую ночную сорочку. – Скорее мой вас оскорбит.

Нестор поспешно вернулся ко мне и уселся на прежнее место, не сводя с меня бесконечно нежного взгляда:

– Да, сударыня, само ваше нахождение в моей спальне в таком виде обязывает меня жениться на вас.

– Вас так расстраивает это обязательство? – спросила я.

– Оно возносит меня на вершину блаженства, сударыня, – честно ответил он, нетерпеливо и властно заключая меня в согревающие до самого сердца объятия. – Как вы прекрасны сейчас... Я просто потерял бы голову, будь вы моей женою.

Он слегка наклонился и, дотянувшись до моей шеи, осторожно напечатлел на ней недолгий обжигающий поцелуй. Неведомый тонкий огонь пробежал по всему телу. Моё неопытное сердце, опалённое им, забилося в грудной клетке как пойманная птица. Шумный выдох сорвался с моих губ.

Я не испытывала подобного прежде. Мне всегда казалось, что любовные страсти далеки от меня. Между тем, в это мимолётное мгновение я почувствовала, что Нестор – тот единственный человек, которому я готова отдать всё на свете.

– Нам ещё рано говорить об этом, – осторожно освобождаясь из его объятий, смущённо улыбнулась я.

– Будь по-твоему, Юля, – нехотя отпуская меня, уступил Нестор. – Но обещай, что согласишься говорить со мною обо всём после нашего венчания.

– Тогда, конечно же... Я обещаю, – произнесла я и попыталась отвлечься от непривычных душевных волнений разговором. – Нестор, мне очень нравится, как ты обращаешься с крепостными. Ты говоришь с Варфоломеем как с лучшим другом и вежливо обходишься с Груней. Мне кажется, что после приглашения за стол и всех этих подарков Груня просто влюбилась в тебя...

– Вам не о чем волноваться, сударыня. Я всегда был равнодушен к крестьянским девушкам, – очевидно, желая предупредить мою неоправданную ревность, признался Нестор. – Да, они славные работницы и хозяйки. Но в них нет той утончённости и хрупкости, той особой красоты и грации, что есть в благородных барышнях. Я считаю, что истинная женщина должна быть подобна величавому белому лебедю: бархатистая светлая кожа, длинная тонкая шейка, царственная осанка, изящная линия плеч. Её взгляд должен быть приветливым и кротким, движения – спокойными и плавными, а голос – мелодичным и тихим. Она должна быть застенчива, почти неприступна, но в то же время добра и ласкова...

– И много, по-твоему, таких женщин?

– Увы, немного. Но одна из них сейчас передо мною.

– Спасибо, Нестор, мне очень приятно, – поблагодарила я. – А ведь многие помещики находят крестьянок привлекательными и пользуются своим положением.

– Я никогда не понимал таких господ, – покачав головой, продолжил Нестор. – К тому же, женщина должна быть образована. Даже если взять из деревни стройную и опрятную девицу, переодеть её дворянкой, то в свете она сразу выдаст себя походкой, манерами, речью. Встретив крестьянку, не знаешь, о чём с нею и говорить. Литература, музыка, живопись, бальные танцы, иностранные языки – всё это чуждо им. Вместе с тем я уважаю крестьян и всегда стараюсь быть справедливым с ними. Мы обязаны им своим хлебом, самим своим существованием. Отец не даёт крепостным поднять головы, изнуряет их непосильным трудом, постоянными поборами. Будь моя воля, я сократил бы барщину, а то бы и вовсе перевёл крестьян на оброк. А впрочем, время ли сейчас для разговоров о хозяйственных делах?

– Нестор, я и не думала ревновать тебя к Груне. Мне просто захотелось поблагодарить тебя за то, что ты так великодушно поступил с ней. Я думаю, она никогда не забудет этот обед, – вспоминая изумлённые и благодарные глаза Агриппины, улыбнулась я.

– А вы? Вы остались довольны обедом, сударыня? – спросил Нестор, продолжая любоваться мною как высеченной из гипса резцом талантливого мастера античной грацией.

– Конечно! – ответила я, ничуть не слукавив, и допила несколько глотков душистого мятного чая, оставшихся на дне фарфоровой чашки. – Я поела, и у меня сразу прибавилось сил.

– Рад, что скромная трапеза пришлась вам по душе. Ваш следующий обед будет ещё вкуснее, если вы любезно согласитесь остаться у меня, сударыня, – неожиданно, но весьма заманчиво произнёс Нестор.

– Но твой отец будет против! Ты же понимаешь, что он не даст нам покоя. К тому же, эта женщина... Я представить боюсь, что тут начнётся, когда она придет. Моё присутствие вряд ли ей понравится.

– Это не имеет значения, Юля. Сейчас важно другое.

– Что же?

– Важно, готова ли *ты* сделать этот взрослый и ответственный шаг, – ответил он. – Я понимаю, что внезапная перемена эпохи не прошла для тебя бесследно. Тебе понадобится время для того, чтобы привыкнуть к новому месту в обществе, к иному укладу жизни. Однако меня очень беспокоят твои страхи. Ты панически боишься моего отца, Поликарпа и прочих. Страх постоянно гложет твоё сердце, не пуская в него ни радость, ни покой...

– Ты прав, страхи, действительно, постоянно истязают меня. Но мне уже, наверно, никогда не избавиться от них, – восхищаясь его удивительной пронизательностью и чуткостью, тяжело вздохнула я.

– Ты напрасно так считаешь, Юля, – покачав головой, возразил Нестор. – Ты избавишься от своих страхов, и я готов рассказать тебе, как. Ты жива, здорова, молода и прекрасна. Господь даровал тебе титул дворянки, а вместе с ним и свободу. Тебе открыты все пути, родная. Известные салоны Петербурга, великолепные дворцы и театры готовы распахнуть перед тобою парадные двери. Ты вольна надевать пышные и модные наряды, дорогие драгоценности, веселиться на балах. Ты можешь лакомиться изысканными блюдами, пить заморские вина. У тебя есть возможность путешествовать, читать интересные книги, слушать симфоническую музыку. Мир прекрасен и полон самых разных удовольствий, помогающих забыть о бедах и несчастьях. Но наслаждение, которое могут подарить друг другу два любящих сердца, ни с чем не сравнимо. Ещё совсем недавно оно было бесконечно далёким от нас, но теперь нас отделяет от него один только шаг – к алтарю.

Чувство невыносимого жара в груди затруднило моё дыхание. Я опустила голову. Нестор заметил моё смущение, однако всё же не прерывал своей речи.

– Да, наверно, ты прав, – еле унимая в голосе мелкую дрожь, с застенчивой улыбкой вымолвила я и закрыла ладонями покрасневшее лицо.

– Мы обвенчаемся, и ты забудешь обо всём, что терзало тебя. Я обещаю быть внимательным и любящим мужем. Да, мы ещё молоды, но земная жизнь быстротечна и коротка. Поэтому я готов сегодня же поклясться тебе перед алтарём в вечной любви и верности. Но готова ли ты стать моей женой?

Он поднял крышку маленькой, отделанной причудливым перламутровым орнаментом шкатулки. Я на несколько мгновений замерла, замороженная волшебной игрой нежного розового света в бесчисленных гранях знакомого камня. Это был мой перстень – тот самый, что когда-то утром принёс мне Варфоломей, мой бесценный оберег....

– Мы оба живы и здоровы, принадлежим к одному сословию, исповедуем одну религию, – взволнованно и сбивчиво заговорила я. – Мы уважаем и любим друг друга. Зачем же откладывать венчание? Ты и без того так долго ждал меня! Подумать страшно.... Двести с лишним лет! Нестор, я готова выйти за тебя, как только у нас появится всё необходимое.

– О чём это вы, сударыня? – уточнил Нестор, с удовольствием наблюдая, как я вновь надеваю изящный перстень с необыкновенным камнем.

Его глаза светились от счастья, и я просто не могла не любоваться их чарующим фиолетовым пламенем. Я чувствовала, как это чудотворное пламя медленно, но неуклонно сжигает всё то, о чём мне так хотелось забыть.

– Например, нам будут нужны обручальные кольца, – пояснила я.

– Кольца не проблема. Через пару дней они будут у нас.

– Но это ещё не всё. Мне понадобится свадебное платье....

– Не волнуйся об этом. На тебе будет пышное белоснежное платье из лучшего петербургского муара со складным кринолином и тончайшими кружевами, прелестная фата и длинные перчатки, – мечтательно произнёс Нестор. – Нынче уже похолодало, так что нужна будет и тёплая накидка. На твоих ножках будут изящные атласные туфли на каблучках, а в твои чудесные волосы вплетут восхитительные живые цветы....

– Но на улице осень. Наверно, уже ничто не цветёт, – бросив взгляд на зашторенные окна, с сожалением заметила я.

– Осень? Да хоть бы и зима! Все цветы на Земле зацветут в тот день, когда ты станешь моей женой, – его щёки окрасились живым румянцем, а глаза ослепительно засияли от расплескавшейся по лицу улыбки.

Нестор придвинулся ближе, откинул тёмный вьющийся локон с моей щеки и ласково пригладил его, но непослушная прядь вновь упала на его руку. Слегка нахмурившись, он вновь попытался усмирить мою шаловливую прядь, однако и эта попытка не увенчалась успехом.

– Очевидно, он хочет ко мне в медальон, на смену прежнему, – нежно разгладив мой непокорный шелковистый локон на своей ладони, предположил Нестор. – Ты позволишь мне отстричь его?

– Нет, что ты, это будет слишком заметно, – не согласилась я. – Может, какой-нибудь другой?

– Нет, я хочу именно этот локон, – настойчиво произнёс Нестор, однако я видела, что мой любимый еле сдерживает смех. – Он упрям и своенравен, не похож на другие.... Этот проказник совершенно равнодушен к моим прикосновениям. Кажется, что он и вовсе не влюблён меня!

Поддавшись игривому настроению, я попыталась вскочить и убежать, но Нестор обнял меня так крепко, что у меня перехватило дыхание.

– Вам следует учиться быть покорной своему мужу, сударыня, – его чарующий голос был строгим, но одновременно мягким и вкрадчивым. – А ещё – совершенно ему доверять.

– Я доверяю вам, Нестор Виссарионович... – улыбнулась я, но тут же, испугавшись своей чрезмерной откровенности, внесла небольшое уточнение. – Может быть, ещё не совершенно, но всё же доверяю.

– Доверяете? А вы готовы это доказать? – забыв о намерении украсть мой локон, загадочно спросил он, и только тогда ко мне пришла ясная мысль о том, что дело уже далеко не в моих волосах...

Я поняла Нестора с полуслова, уловив его пристальный взгляд из-под ресниц, прикованный к моим смеющимся устам, и безмолвно кивнула в знак согласия. Первый урок покорности не заставил себя ждать. Окрылённый каким-то неведомым порывом, Нестор стремительно приблизился ко мне. Жар его дыхания мягко коснулся сначала моей щеки, а после – уголка моих дрожащих от волнения губ. Почувствовав неминуемую близость долгожданного поцелуя, я с замиранием сердца закрыла глаза.

Он приник к моим устам словно измождённый жаждой путник к чистому холодному ключу, но его поцелуй не обжёг, а лишь до глубины души согрел меня как чашка сладковато-горького кофе после прогулки в ветреный морозный вечер. Моё лицо податливо расслабилось, веки отяжелели, а руки сами собой потянулись к его могучим, готовым заслонить меня от любой опасности плечам.

Любовь... Что мне было известно прежде о её бесценных радостях, о том, каково это – чувствовать себя любимой и желанной и каково это – беспрепятственно прикасаться к чело- веку, душа которого уже стала роднее своей?! В какой-то миг я замерла, почувствовав ладо- нью сквозь ткань белоснежной рубашки, как сильно бьётся его молодое сердце. Я вспомнила, как отдала жизнь за то, чтобы услышать этот стук, и мои глаза наполнились слезами. Страх отступил: в эти минуты мы не испытывали ничего, кроме тихого беззаботного счастья. Я не сетовала на судьбу, не изводила себя мыслями о Виссарионе и Маргарите. Я позабыла о том, где нахожусь, потеряла счёт времени и только благодарила Господа за то, что Он вновь подарил Нестору жизнь.

Я опомнилась только тогда, когда почувствовала под собою мягкую перину. Приоткрыв глаза, я поняла, что княжеское ложе приютило нас под своим роскошным балдахинном. Мы лежали рядом, держась за руки, и гладкий чёрный шёлк, струящийся под нами, переливался в тусклом свете свечей.

– Ты ещё слаба, тебе нужно отдохнуть, – улыбнулся он. – Укройся как следует. Будет очень хорошо, если ты немного поспишь.

– Я и представить не могла, что ты можешь быть таким, – негромко призналась я и покорно укуталась одеялом. – Неужели всё это не сон? Нестор, неужели ты останешься таким навсегда?

– Каким же?

– Живым! – тихо смеясь от счастья, ответила я и робко провела кончиками пальцев по его тёплой и мягкой, немного колючей щеке.

Он чуть прикрыл глаза от удовольствия и не позволил мне отнять руки, надолго задержав её в своей большой ладони.

– Жизнь не даётся навсегда, мы получаем её на один только век, – грустно улыбнулся Нестор. – Век, Юленька... Как же этого мало!

– Нет, пожалуйста, не говори о смерти! – с невыносимой горечью представив день, когда одного из нас не станет, остановила его я.

– Скоро наше венчание, так что тебе не о чем волноваться и переживать. Согласившись выйти за меня, ты просто обрекла себя не только на короткое земное, но и на вечное небесное счастье со мной. Там наши души будут вместе, их ничто не сможет разлучить.

– Ты прав, – согласилась я. – Всё так смешалось в голове. Ещё и дня не прошло, а уже столько впечатлений... Ещё немного, и я сойду с ума.

– Ты устала, Юля, – с пониманием произнёс Нестор.

– Да, меня невыносимо клонит в сон, – с трудом разлепив веки, призналась я и тотчас же сомкнула их.

– Сладких снов тебе, любовь моя, – поправляя под моей головой подушку, прошептал он и встал с постели.

Глава 4. В объятиях листопада

Проснувшись, я почувствовала упоительный аромат осеннего леса. Я открыла глаза, приподнялась с подушки и увидела, что вся моя постель усыпана резными кленовыми, округлыми осиновыми и не разлучёнными с родной веткой и налитыми гроздьями рябиновыми листьями.

Среди листьев белело свёрнутое вчетверо послание. *«Если ты читаешь эти строки, зна- чит, ты уже проснулась, мой ангел, – прочитала я. – Я очень рад за тебя: нет лекарства лучше, чем спокойный и здоровый сон. Теперь самое время отправиться в сад и подышать вечерней прохладой. Жду тебя в верхней гостиной. Твой Нестор».*

– Что угодно, барышня? Одеваться изволите? – подбежав ко мне, спросила Груня.

– Да. Вот только во что, ума не приложу, – призналась я.

– Как это – во что? А как же платье ваше?

– Платье?

– Неужто забыли? Вот же оно! Ваше любимое! Вспомнили?

Груня показала мне прелестное бело-голубое платье с лёгкими кружевами по неглубокой линии декольте, декоративной перекрёстной шнуровкой на светлом лифе и драпированными оборками на подоле.

– Так что же? Наденете, Юлия Александровна?

– Да, безусловно.

Я с любопытством расправила лиф небесного цвета платья, чтобы лучше рассмотреть его.

– Погодите, барышня. Сперва корсет. Встаньте ко мне спиной. Да, вот так. Только держитесь за что-нибудь, чтоб и вам, и мне сподручнее было.

Я упёрлась ладонями в одну из четырёх колонн, которые обступали широкое княжеское ложе. Едва крестьянка застегнула за моей спиной плотно обхвативший всё туловище корсет, как я почувствовала, что мне уже не хватает кислорода, однако решила умолчать об этом.

– Туго шнуровать не буду, так и быть, – сказала Груня, и мне стало дурно от одной мысли о том, что сейчас на мне будут ещё и затягивать это орудие пыток, – и без того вы, барышня, больно смотреть как отошдали.

Несмотря на свои слова, она принялась за шнурование корсета с примерным усердием. Страх обморока от удушья повелевал мне немедля остановить её. В то же время я старалась крепиться.

– Боже! – не удержавшись, всё же воскликнула я.

– Терпите, барышня, деваться некуда, – сочувственно сказала Груня. – Сами понимаете, что надо.

– Я понимаю, но зачем же с такой силой? – негромко возмутилась я.

– Да где же с силой-то, барышня?! – изумлённо возразила Груня. – Сила нужна, чтобы землю пахать. А это сила разве? Хорошо, что ваша маменька не видит. Вы, видно, в болезни-то отвыкли. Но ничего, время пройдёт – пообвыкнетесь.

Мне стало стыдно за свои глупые упрёки. «Разве может так вести себя дворянка?! – взглянув на себя со стороны, мысленно воскликнула я. – Мне предстоит переносить тяжёлые болезни без антибиотиков и сложных операций. Мне предстоит рожать детей без обезболивания и благо, если в присутствии хорошего врача. Я должна учиться быть терпеливой и выносливой!»

– Да, ты права, я привыкну, – сказала я. – Не бойся, Груня, делай всё как следует!

– Да всё уж, барышня, – улыбнулась Агриппина и помогла мне, надевая платье, не запутаться в пышных юбках. – Вы, видно, призадумались да не заметили, как я закончила.

– Правда? Спасибо! – обрадовавшись тому, что неприятная процедура наконец-то завершилась, поблагодарила я.

– Да что вы, Юлия Александровна! Я нынешние хлопоты свои и за работу не считаю – так, одно развлечение. В деревне девки от зари до зари спины не разгибают. А я только к шелкам да кружевам прикасаюсь, к украшениям вашим да к фарфору барскому. И Нестор Виссарионович со мною как с подругой вашей благородною обходится. Всё бы хорошо, но против барыниной воли да бок о бок с Чёрным князем... Прошу вас, барышня: уедете домой! – в голосе крестьянки послышалась горячая искренняя мольба. – Барыня страшно гневаться будет! Уж который день вас в поместье след простыл, чай ищут уж, пруды проверяют, лес прочёсывают.

– Разве мама не знает, что я здесь? – остановив её, переспросила я.

Мне было трудно представить, что моя мать тоже живёт в конце восемнадцатого столетия, носит корсетные платья, управляет имением и владеет крепостными душами. Однако я не подала и виду, что что-то в Груниных словах смутило меня.

– Да откуда знать-то им, барышня? Вы же без спроса отлучились. Я говорила вам: «Не поезжайте, худо будет». Нет ведь, собрались, поехали. А я неужто одну вас отпущу, зверям или разбойникам на растерзание? – самоотверженно призналась Груня.

– Так нужно немедленно написать ей! – я смело направились к столу, заведя на нём позолоченную чернильницу, чистую бумагу и перья. – Сообщить, где я и с кем, чтобы она не волновалась. Написать, что я жива, здорова, что решила выйти замуж...

– За кого? За Нестора Виссарионовича замуж?! – изумлённо переспросила Груня. – Да у неё сердце разорвётся, коли вы ей так напишете!

– Почему же?

– Как почему? Ведь вся округа знает... – она резко понизила голос. – Сами слышали, что о Чёрном князе говорят. Нехристом кличут его, убийцем, умалишённым кровопийцей, а иные и сатаной во плоти. И о Несторе Виссарионовиче судачат, что колдун он, в церкви не крестился, развратник страшный, с ведьмой как с женою жил... Но вы не печальтесь, Юлия Александровна. Может, маменька ваша передумает да согласится на ваш брак. Она же не знает, какой Нестор Виссарионович на самом деле благородный и добрый человек. Поглядите лучше, как вы хороши! – она подвела меня к высокому, обрамлённому причудливой готической рамой зеркалу.

Я замерла в восхищённом изумлении, увидев со стороны свою талию, ставшую не толще, чем шея упитанного мужчины, и пышный подол из нескольких широких юбок. Воздушное голубое платье формировало гордую королевскую осанку, почти полностью обнажало мои тонкие руки, приподнимало и красиво подчёркивало грудь.

– Какую причёску желаете, барышня? – выкладывая на комод из шкатулки диковинные украшения и гребни, осведомилась Груня.

– Любую на твоё усмотрение, – ответила я.

Крестьянка причесала меня, собрав длинные волосы в неплотный и пышный высокий пучок и оставив у висков по одному естественному локону. Завершив причёску несколькими серебристыми заколками, Груня припудрила мне лицо, шею и плечи, а также помогла надеть жемчужные серьги, ожерелье и браслет.

– Похолодало нынче, накидку и перчатки не забудьте, – заботливо напомнила Груня. – Ах, барышня, как же вы хороши! Отпускать прямо страшно! Может, пойти мне с вами?

– Тебе не о чем волноваться, Груня, – надевая светлые ажурные перчатки, поспешила успокоить её я. – Нестор не даст меня в обиду.

– Будьте благоразумны только, барышня. Сказывают, Нестор Виссарионович одним только взглядом любую женщину может соблазнить. Сами себя не погубите, Христом Богом молю!

– Уж не ревнуешь ли ты? – заглянув в глаза Груне, шутя спросила я.

– О чём вы, Юлия Александровна?

– Ну, Нестор Виссарионович – барин видный, мог и пригласиться.

– Господь с вами, барышня! Как можно девке крепостной о дворянине мечтать? – опустив глаза, грустно улыбнулась Груня. – Никогда барин крестьянку под венец не поведёт. Уж я-то знаю. Иным удастся барина красою прельстить да ночь-другую с ним скоротать, а толку-то? Одни страдания потом, особливо если ребёночек выйдет. Да и не по мне распутство всё это. За ровню свою уж лучше замуж. Ну, идите, барышня, коли не страшно вам. Храни вас Господь!

Я собрала с постели самые красивые и крупные листья и перевязала букет лентой, чтобы взять его с собой на прогулку. Затем я вышла в полутёмную, завешенную тяжёлыми портьерами и большими старинными портретами залу. Кое-где, в неосвещённых глубоких нишах виднелись жутковатые статуи людей и чучела хищных зверей.

Нестора сидел в другом конце комнаты с раскрытой книгой в руках. Стараясь приглушать звон каблучков и шелест длинных пышных юбок, я медленно преодолела половину разделявшего нас расстояния и остановилась, чтобы полюбоваться аристократически бледным профилем любимого лица.

Молодой князь был полностью поглощён чтением. Его сосредоточенные и серьёзные глаза не отрывались от слегка пожелтевших книжных страниц.

– Нестор! – осторожно окликнула его я.

Он обернулся на звук моего голоса и на миг-другой замер. Не сводя с меня пристального восторженного взгляда, Нестор плавно опустил книгу на стол и начал медленно приближаться ко мне. Я неторопливо шла к нему навстречу и несмело смотрела в его огромные горящие глаза, с трепетом любуясь ими и немного боясь их искушающего пламени.

– Я потерял дар речи, увидев вас, сударыня, – оправдался он, остановившись от меня на расстоянии вытянутой руки.

– Я не знаю, идёт ли мне всё это, но теперь у меня не остаётся выбора, – бросив взгляд на пышный подол, в свою очередь оправдалась я.

– Вы напрасно сомневаетесь, сударыня. Это платье чудесно оттеняет вашу грацию и красоту, – произнёс Нестор. – Как тебе спалось, душа моя?

– Очень хорошо, – честно ответила я. – Я чувствую себя намного лучше.

– Тогда, может быть, немного прогуляемся? На улице прекрасная погода.

– Да, пойдём. Мне как-то неуютно здесь.

– Хорошо. Но перед этим послушайте одно стихотворение, сударыня, – неожиданно сказал он.

– С удовольствием, – кивнула я, присела рядом с ним на диван и вся обратилась в слух.

– Со страхом божиим выпускаю крик грешной души на ваш строгий суд.

– Читайте, князь! – сгорая от нетерпения, с улыбкой умиления поторопила его я и услышала следующее:

Она прекрасна, словно лебедь белая,

Как перистое облако легка.

О, как пленяет лаской неумелою

Её на диво хрупкая рука!

Уста чаруют негой целомудренной,

Глаза сияют ярче всех лучей,

Она вошла – взошла звездою утренней,

Навек развеяв мглу седых ночей.

О сон мой, сон полночный искушающий,

Ты сжался надо мною, прекратись!

Дай видеть наяву рассвет, сгорающий

В крылах её, что томно рвутся ввысь.

*Она прекрасна, словно лебедь белая.
Слова бессильны, чувств не передать.
Благослови, Господь, мечту несмелую
Жизнь за земного ангела отдать!*

Нестор заговорил, и целый мир померк для меня, словно на землю внезапно опустилась, расправив необъятные чёрные крылья, огромная птица по имени Ночь. Все эти слова он произнёс, неотрывно глядя мне в глаза. Каждое движение его тонких и благородных уст завораживало.

– Кто автор этих строк? – спросила я по окончании стихотворения.

– Он перед вами, сударыня, – ответил он. – Он не поэт, но любит поскрипеть пером в час безделья, когда ни опыты, ни книги не занимают его. Осмелюсь спросить... Как по-вашему, сударыня? Эти строки хороши?

Тут я почувствовала, что моё стойкое к любовным соблазнам сердце вновь начинает стремительно таять как мороженое под лучами яркого летнего солнца.

– Нестор!.. – слетело с моих уст его звучное и гордое имя.

Больше я ничего не смогла произнести, пленённая загадочным сиянием его неподвижных фиолетовых глаз и призрачно застывшей в правом уголке губ виноватой улыбкой.

Волна неукротимой мучительной нежности накрыла меня с головой. Я самозабвенно прижалась к нему и, дотянувшись до его слегка колючей щеки, покрыла её лёгкими и тёплыми поцелуями. Целуя любимого, я ощущала, как одна его рука осторожно и ласково гладит мои уложенные в причёску волосы, а другая мягко, но властно обвивает мой стан.

– Я люблю тебя, – прошептала я. – Прости, что я так редко говорю тебе это. Я знаю, что я слишком холодная, слишком строгая... Но когда мы станем мужем и женой, всё будет по-другому – я тебе обещаю.

– Господь с тобой, Юля... Какая же ты холодная? Нет! – с чарующей виноватой улыбкой признался он и, несколько мгновений со вниманием подержав мою руку, неожиданно заговорил о нашем будущем. – Да, ты скромна и сдержанна, но вместе с тем очень добра и ласкова. Ты способна любить и ты любишь, Юля. Я не могу заглядывать далеко в будущее, однако события предстоящего года вижу отчётливо. Я уже ясно вижу тебя, Юля, такую же юную и милую, но вместе с тем совсем иную... Без боязливой скованности в движениях и светлой грусти в изумрудных глазах, но с совсем иным, уже не девичьим румянцем на чуть пополневших щеках. Такую женственную, величавую как лебедь, такую красивую... Пройдут всего пара недель после нашего венчания, и ты научишься смеяться так, как никогда не смеялась. И любить так, как никогда не любила. Самозабвенно, безудержно, безрассудно. Ты откроешься мне как прекрасный душистый цветок солнечному свету, но душа твоя навек останется для меня самой интересной в мире загадкой. Но даже не это самое чудесное, Юля.

– А что же? – задыхаясь от приятного волнения, спросила я, однако он как назло приостановил свою речь и испытывающе посмотрел мне в глаза. – Что же, Нестор?

– Наслаждайся последними деньками свободы и кроткого девичества, душа моя. Ты не успеешь оглянуться, как станешь молодой княгиней Вяземской, влиятельной знатной особой в шёлке и бархате, а для меня – ещё и очаровательной мадонной со здоровым и крепким младенцем на руках. Год... Нет, даже меньше. Уже следующим летом у нас будет сын.

Пророчество Нестора впечатлило меня. Яркая картина нашего счастливого будущего, обрисованная им, и упоминание о ребёнке наполнили мою душу тёплым благоговейным трепетом и чистой искренней радостью.

Не удержавшись, мы почти одновременно засмеялись.

– Что вас так развеселило, сударыня? – насилу подавив смех, полюбопытствовал он.

– Мы ещё даже не венчаны, а уже говорим о детях, – попыталась объяснить я.

– Вы не успеете оглянуться, как наступит день нашего венчания, – с не совсем понятной мне беспечностью возразил Нестор.

Пророчество Нестора вырастило у меня огромные белоснежные крылья за плечами. Мы будем вместе – теперь я не могла усомниться в этом.

– Даст Бог, так оно всё и будет, – негромко, боясь ненароком вспугнуть наше счастье, вымолвила я.

– Будет, Юля. Однако для того, чтобы всё это сбылось, тебе следует поскорее развеять свои страхи... – он мягко, но решительно коснулся моей щеки и, едва я успела повернуть голову, чувственно приник к моим устам, чтобы согреть их пленительным жаром долгого и плавного поцелуя.

Вновь с удовольствием покорившись его воле, я расслабила губы и доверчиво прилегла на мягкую спинку дивана.

– Стихотворение, Нестор... Запиши его для меня! – попросила я после, боясь, что какая-нибудь шаловливая строка сотрётся из его безупречной памяти.

– С удовольствием, – улыбнулся Нестор и обратился к Агриппине, которая неожиданно вошла с моей накидкой в руках. – Как незаметно ты прокралась, мы и не заметили. Принеси-ка сюда альбом барышни, любезная! Я намерен замарать в нём чернилами пару страниц.

– Слушаю, барин, – отдав мне накидку, кивнула Груня и убежала.

Её голос показался мне грустным, но, воодушевлённая предсказаниями Нестора, я не обратила на перемену в Агриппине особого внимания.

– Мы с тобою, кажется, хотели прогуляться, – вспомнил Нестор.

– Но как же Виссарион? Нас могут увидеть! Он или его слуги, и тогда... – я остановилась и, переведя дыхание, насилу совладала с нарастающим волнением.

– Слуги не посмеют прикоснуться к тебе, пока я рядом, – уверенно ответил Нестор и ощупал рукоять не покидавшей его шпаги. – А отца мы не встретим. Нынче солнечный день, а он терпеть не может солнца и прячется в подземелье. Его тонкая кожа покрывается огромными уродливыми язвами, когда он показывается на божий свет. Но жжение в глазах и язвы на коже – это ещё полбеды. Нестерпимые боли в костях и воспалённых суставах, расстройства пищеварения, болезненная агрессия и тяжёлые психозы отравляют его жизнь. Облегчить состояние такого больного в нашем веке может только свежая кровь. Порфирия... Редкая и страшная болезнь, превращающая человека в кровожадного зверя. Было время, когда и я страдал ею, однако, благодаря своему особенному происхождению, смог исцелиться.

– И Слава Богу, – вздохнула с облегчением я.

– Подай сюда, любезная, – обратился Нестор к Груне, которая возвратилась с письменными принадлежностями и красивым альбомом, цветочные узоры на обложке которого показались мне знакомыми. – Да что случилось, дитя? Отчего так невесело глядишь?

На Груне не было лица. Она стояла печальная и бледная как полотно. Её голубые глаза неотрывно смотрели на Нестора и были полны застывших слёз.

– Не беспокойтесь, барин, ничего-с, – с трудом унимая в голосе дрожь, покачала головой Груня.

Ей оставалось пройти всего несколько шагов, однако она вдруг споткнулась и упала, и всё, что было у неё в руках, полетело на пол. Половину кофейного столика залили чернилами. Они тонкими струями стекали на пол, туда, где валялись перья, опорожнённая чернильница и ещё стопка забрызганной чернилами бумаги. Мы вскочили с дивана, но Груня встала сама, отделавшись лёгким ушибом.

– Умоляю, простите, – дрожащей рукой поднимая с пола испорченный чернилами альбом, взмолилась Груня и облизнула с прикушенной губы капельку крови. – Зазевалась, дура, не велите наказать!

– Ничего страшного, впредь внимательнее будь. Да ты плачешь никак? Из-за перьев да бумаги?! Чуть какая! – махнул рукой Нестор и приблизился к ней.

– И стыдно перед вами, и сарафана жаль. Бабушкин подарок был, не отмою ведь.... Да и не об этом плачу, барин! – содрогаясь от рыданий, вдруг призналась чем-то очень огорчённая Агриппина.

– А о чём же? – спросила я.

– Обидел тебя кто? Не бойся, расскажи! – сказал Нестор.

– Не обижали, барин. Ей-Богу, я сама, – густо краснея и пряча глаза, ответила Груня, а слёзы всё текли и текли из её глаз.

– Да что сама? Ты толком говори, что у тебя стряслось! – не оставлял надежду выпытать правду Нестор.

– Вы и так добры ко мне, барин.... Слишком добры. Пустое, всё пустое. Глупости девицы. Вам и слушать-то неинтересно будет.... Упаси Господи, барышня! Перчатки белоснежные, ручки не марайте! – стоило мне потянуться к грязным перьям, воскликнула Груня. – Позвольте, я сама всё уберу!

– Что ж, коли секрет, не сказывай. Но и не плачь. А будет обижать кто – говори: я мигом негодяя проучу, пусть даже родом из благородных будет. Всякий холоп, кто ведёт себя как свинья, – ободрил её Нестор. – Мы с барышней прогуляемся немного. А ты останься, прибери здесь.

– Слушаю, барин, – тихо ответила Груня и покорно принялась за уборку.

– Ну что же, пойдёмте, сударыня, – взяв меня за руку, очаровательно улыбнулся мой любимый. – Нарядные рощи порадуют ваш взор, да и осенняя прохлада разрумянит ваши щёчки.

– Пойдёмте, сударь, – радостно кивнула я, готовая следовать за ним хоть на край земли.

Глава 5. Испытание длиною в жизнь

Выйдя на парадное крыльцо, мы встретили пожилую приземистую женщину в серой домотканой косынке и широком, залатанном в нескольких местах стареньком сарафане. Склонившись над деревянным ведром с мутной водой, она усердно ополаскивала в нём тряпку. Поодаль, негромко переговариваясь между собою, две худощавые крестьянские девушки вытирали основания величественных круглых колонн.

– Всё в трудах, Лукерья? – обратился Нестор к старшей крестьянке, и та, разогнув спину, вновь согнула её в приветственном поклоне.

– Доброго здоровьица, барин, – негромко, немного простуженным голосом ответила крепостная. – Извольте видеть, дом к приезду гостей убираем. Сказывали, что в полночь пожалуют-с.

Осунувшееся лицо крестьянки было покрыто крупными, очевидно, оспянными рытвинами. Её лоб и внешние уголки небольших, глубоко посаженных глаз бороздили глубокие извитые морщины. Не договорив фразу, она хрипло закашлялась и, отвернувшись, утёрлась краем своего платка.

– Не болеешь ли? – участливо спросил Нестор. – Даже на вид нездорова. И кашляешь дурно.

– Осипла чуть, лапти дырявы. Ничего, пройдёт. Да и вам ли, барин, обычаев батюшки не знать? Рабочие люди нужны ему, тунеядцев не держит. Кому невмочь трудиться, тех живьём... – взглянув на меня, Лукерья осеклась. – А мне-то, хоть я и мужа схоронила, барин, помирать нельзя. Как дети-то? Кому нужны будут? Мои-то уж выросли, всех переженила, да я сирот соседкиных взяла. Померла она Бог весть отчего. Живот схватило у неё, слегла да через три дня концы отдала. Может, грибов не тех каких-то съела, не знаю...

– Жаль, что я тогда был в Петербурге. Будь я здесь, непременно помог бы. Благое дело ты сделала, Лукерья. Ты не работай много, коли расхворалась. Пускай девушки вон лучше трудятся.

– Да толку-то от них? Неумёхи, одни женихи на уме. Языками работают больше, чем руками-то, – посетовала Лукерья.

Взглянув на девушек, мы увидели, что они оставили работу и оживлённо шептались между собой. Нестор направился к молодым крестьянкам, и я последовала за ним. Заметив приближение молодого барина, девушки снова схватились за тряпки.

– Как вас зовут, любезные? – заложив руки за спину и чуть нахмутив брови, спросил Нестор.

– Прасковья, – не отрывая от хозяина восхищённого взгляда, ответила одна.

– Фатинья, – глядя в пол и густо краснея, ответила другая.

– Превосходно. Моё имя, я думаю, вам хорошо известно, – воздержался от представления Нестор. – А это Юлия Александровна. Скоро она хозяйкой вашей станет. И коли работать будете скверно, будет строго вас наказывать. Не так ли, сударыня?

Я послушно кивнула, однако не смогла придать своему лицу сердитого или даже серьёзного выражения. Но крестьянские девушки уже не на шутку испугались.

– Смилуйтесь, барин! Не губите! – взмолилась Прасковья. – Чем прогневали, скажите, исправимся, работать будем! Но не продавайте! От семьи не отрывайте! Я у родителей одна, другие в детстве ещё померли все!

– Бабушка у меня в деревне старая, больная... Уж месяц с печи не встаёт, – запричитала Фатинья, и слёзы градом полились из её глаз. – Травы заварю ей – не пьёт. Пора уж, говорит...

Фатинья упала на колени, а следом за нею – и Прасковья.

– Полно, любезные! Сейчас же встаньте, – приказал Нестор. – Я и не думал вас продавать. Я этой барышне скоро вместе с рукой и сердцем своим всё, что имею, даром отдам.

– Неужто жениться желаете, барин? Батюшки светы... Как рано! – ошеломлённо пролепетала Лукерья. – Двадцать годков! Дитя ещё! Погулять бы ещё вам, барин, на воле пожить да порадоваться.

– На что, Лукерья, коли без неё весь свет не мил?! – возразил Нестор и нежно пожал в своей ладони мои похолодевшие от осенней прохлады пальцы. – Вот она – и жизнь счастливая, и радость бескрайняя, и вольная воля моя.

– Да как же вас, Нестор Виссарионович, отец на дело сие благословит? Гневаться станут ведь, со свету сживут. А барышня-то юная ещё, девочка совсем. Как жаль!

– Не беспокойся. Я смогу за неё постоять, – улыбнулся Нестор. – Однако нам пора, Лукерья. Коли захворала, задай девицам работы и отправляйся домой. Не дети малые, управятся и сами. Под вечер проверишь.

– Слушаю, барин, – Лукерья откланялась и вернулась к делам.

– Кто это, Луша? Что за барышня? – неспешно спускаясь следом за любимым с высокого парадного крыльца и придерживая пышные юбки, услышала я вопрос Прасковьи.

– Графини Романовой дочь, – ответила полноватая пожилая крестьянка.

– Красавица! Как раз барину нашему впору, – услышала я уже за своей спиной голос Фатиньи.

– А барин как хорош! – уже тише, но ещё отчётливо донёсся до меня голос Прасковьи. – Никогда ещё его так близко не видала!

– А как увидела, так и обомлела! – недовольно проворчала Лукерья. – Вам лишь бы на князей любоваться! Лучше крыльцо домывайте. Иначе барин старый нам опосля сумерек руки оторвёт!

Оглянувшись, я увидела, что испуганные девушки снова принялись за работу, а Лукерья последовала совету хозяина и пошла отдыхать.

Мы с Нестором спустились в парк, и все взоры обратились на нас. Мужики, разгружающие с телеги мешки с зерном, садовник, подстригающий пожелтевшие кусты, девки в стоптанных лаптях и поношенных сарафанах, тащившие что-то в корзинах, – все приветствовали хозяйина благоговейным взглядом и низким поклоном. Те, что были поближе, здоровались. Нестор отвечал на приветствие каждому и почти всегда прибавлял мужское или женское имя.

– Неужели ты помнишь всех крепостных? – удивляясь его памяти, спросила я.

– Всех, безусловно, не помню. Но тех, кто работает в доме, знаю как свои пять перстов, – ответил он. – Нравится ли вам этот парк, сударыня? Поглядите, какие высокие клёны! А дубы! Они ещё рождение Петербурга помнят!

– Пожалуй, даже рождение Петра, – подняв глаза к шумящим раскидистым вершинам вековых деревьев, улыбнулась я и почувствовала лёгкое головокружение от внезапно напечатлённого в уголке моих уст поцелуя.

– Нестор... – с ласковым укором прошептала я, пытаюсь тихо отстраниться.

Однако неугомонные горячие уста любимого вновь подарили мне ещё один пленительно-сладкий поцелуй. Мелкая горячая дрожь пробежала по всему моему телу, заставив сделать шаг к нему навстречу и прижаться к нему так крепко, как только позволяли фишмы платья. Я не противилась воле Нестора, хотя с волнением осознавала, что за нами наблюдает уже не одна пара любопытных глаз.

– Это всего лишь дворовые, Юля. Ты не должна бояться их. Кстати видишь того мужичка у фонтана? – указав куда-то рукой, спросил Нестор. – Веришь или нет, а однажды он спас мне жизнь!

Вдаль убегала широкая и длинная главная аллея, прерываемая на середине фонтаном. Около фонтана не покладая рук работал, усердно подметая листья, старый дворник в простой и

не по-осеннему лёгкой крестьянской одежде: серой рубахе, длинном фартуке, тёмных штанах и лаптях.

Вдалеке, там, где заканчивался парк, виднелась высокая каменная ограда и большие чугунные ворота. Мы с Нестором ступали по нарядному, искусно сотканному красавицей-осенью, тихо шуршащему под ногами разноцветному ковру. Но там, за фонтаном и до самых ворот листьев на дороге уже не было: сложенные одинаковыми кучками, они печально ютились на обочине.

– Дворник спас тебе жизнь? – изумлённо переспросила я.

– Семь лет мне было тогда, – улыбнувшись, начал Нестор простой, но поучительный рассказ. – Зима пришла морозная, вьюжная, злая. Крестьянки по две шали надевали, мужики с белыми бородами ходили. Выйду с Варфоломеем на прогулку – через четверть часа все ресницы в инее. Он всё боялся, что я замёрзну и захвораю: «Барин, щёчки-то ваши белее снега сделались, и носик сизый стал! Полноте гулять, пожалуйста отобедать да на покой!» А я домой не хотел, скучно мне дома было. Да и в парке один гулять не любил. С ледяной горы с крестьянской ребяtnей кататься было больше по душе. Отец ворота парка на замок запирает, а я тогда маленький был. Пролезу между прутьями ограды – и всё! Однажды с крестьянскими детьми на озеро пошёл, а они там рыбу из прорубей удили. И был среди них мальчишка Влас, старше меня лет на пять. Стемнело. Остались мы одни. Он и говорит мне: «Пойдём на середину озера, там и полынья побольше, и клёв получше». Я расхрабрился да пошёл. Пока шли, метель разыгралась, ветер бешеный, ни зги не видать. Он запричитал: «Шибко замёрз я, барин, не дойду. Вот бы мне тёплую шубку твою!» Поменялись: он мою шубу соболью надел, а я его худую душегрейку. Пришли мы к полынье, и тут Влас как закричит: «Гляди-ка, там золотая рыбка плывёт!» Я только подошёл посмотреть, так в ледяную полынью и полетел. Барахтаюсь, кричу, а его уже и след простыл. Чувствую – сердце леденеет, дышать не могу, ноги не двигаются. Думал, что всё, смерть пришла, но вдруг мужицкие руки меня как котёнка за шкуру вытащили.

– Нестор, я поверить не могу.... – призналась я. – Откуда в ребёнке такая ненависть?

– Может, зависть взяла к моему богатству. Может, нужда украсть заставила. Антип вначале думал, что крестьянского мальчишку из проруби вытащил, браниться начал, сквернословить. А как узнал меня, так в извинениях рассыпался, начал мне ладони целовать. «Да никак вы это, барин? Сам Нестор Виссарионович, не иначе! Кто же вас обидел так? А шубка ваша где? Неужто обокрали?! И кто же вас в такое время и в такие погоды гулять отпустил?!» Отогрел он меня на печи, чаем с вареньем напоил и домой понёс. На полпути мы встретили Варфоломея, который меня и в парке, и на горе обыскался. Варфоломей забрал меня и отцу всё то, что было известно Антипу, рассказал.

– Что же твой отец? Он наказал виновного? – спросила я.

– Нет, – к моему удивлению ответил Нестор. – Я на Власа указывать не стал: знал, что с ним за это будет.

– А что будет?

– Вытащат босого на мороз да засекут до смерти. Я с колыбели картины эти видел, оттого и пощадил. Наказать я его хотел, но смерти ему не желал. Может, оттого, что сам в её когтистых лапах побывал да чудом вырвался. И по сей день помню, каково это – когда, оказавшись на грани гибели, тело и душа твоя, взбесившись, мечутся в агонии. И всё существо твоё, уже глядя в глаза смерти, уже чуя её леденящие объятия, отчаянно цепляется за жизнь.

– Ты был очень добрым ребёнком, Нестор, – сказала я. – Как тебе удалось вырасти таким хорошим человеком при таком злом и несправедливом отце?

– Отец влиял на меня своим примером, но воспитателем моим был Варфоломей. Он и не дал моему сердцу зачерстветь. Отец сильно гневался три дня, строго запретил мне водиться с крестьянскими детьми и сладкого мне до весны давать не велел.

– Мучительное наказание для ребёнка. Как ты это пережил?

– Вначале Варфоломей согласился с отцом, решил поддержать меня в строгости, а после сжалился, стал тайком Варвариными блинчиками и пирогами потчевать. А Власа время спустя Господь наказал. Умер он в расцвете лет так же, как меня когда-то хотел погубить. Принял спиртного на грудь да отправился купаться на озеро, а озеро дурное у нас. Что ни год, то двоих-троих в воронки засосёт да илом затянет так, что и тела не найти.

– Что же Антип? Неужели Виссарион не поблагодарил его? – спросила я.

– Вызвал отец его к себе, спросил, что надобно ему в награду. Антип попросил старшего брата своего Прохора от тяжёлых подземных работ освободить. Отец взбесился, велел гнать Антипа в шею, но передумал. Дал ему пятак серебра на водку и дворником при усадьбе до конца лет служить приказал. Но я Антипа и по сей день благодарю, – улыбнулся Нестор. – Время от времени деньгами помогаю. Ребятам его подарки приношу. Много детей у Антипа. Семеро по лавкам, живут в тесноте, да не в обиде. Все такие ласковые, дружные, словно к старшему брату на руки идут....

Пожилой крестьянин по-прежнему подметал главную аллею. Он был так увлечён работой, что не заметил, как мы подошли.

– Эй, Антип! – окликнул дворника Нестор. – Отдохни, весь день метёшь, небось, спины не разгибаешь.

– Здравствуйте, барин. Да такова уж долюшка моя – мести, покуда Бог даёт ещё сил метлу держать, – оставив работу и поклонившись в пояс, хрипло поприветствовал дворник, а после обратил на меня умильный и благоговейный, но несколько растерянный взгляд. – И вам здравствовать, барышня-с...

– Юлия Александровна, моя невеста и твоя будущая хозяйка, – охотно представил меня Нестор.

– Вот старый дурень! Ей-Богу, не знал! – виновато воскликнул Антип.

– Почти никто из дворовых ещё не знает. Как жизнь молодая? Как жена? – поинтересовался Нестор, и дворник вновь помрачнел, и глубокая прямая морщина вновь залегла меж его густых поседевших бровей.

– Жена-то.... Хворает, барин, всё после родин. Который день уж не спадает жар, – ответил крестьянин и чуть дрожащей рукой промакнул лоб измятым синим платком.

– Что ж, голубчик, скверно. А которого родила? – спросил Нестор.

– Седьмого, – невесело ответил Антип, и уста мои невольно разомкнулись от изумления. – Да только и суток не прошло, как Господь его прибрал. Рожала Манефа моя без повитухи – в этом, может, и беда вся. Под вечер разрешилась, да дитя не закричало. Шлёпали его, шлёпали – всё пустое. Ну, ничего, подумали, авось как-нибудь. Дуняшку-то вон выходили, даром, что уж пятый год молчит. Помощница зато какая! Вымыли мальчишку, в люльку положили. Через час-другой тихонько запищал, будто зверёк какой дикий, да скоро затих. Думали, что уснул, и сами на покой отправились. Но утром я встал и увидел, что меньшей наш окоченел уж и трупными пятнами пошёл. Не стал Манефу и детей будить. Ящик нашёл, положил туда дитя, заколотил да снёс на околицу, спустился в овраг да там и схоронил. Пришёл домой – Манефа слёзы льёт, а сама горячая как печь. Всё без единого слова поняла и как медведица завывала.

– Жаль мальчугана твоего, мог бы вырасти, человеком стать, – сочувственно сказал Нестор.

– Жаль, аж нутро свербит, – глядя в землю, согласился Антип. – Но не впервой уж. Да и какой мужик хотя б одно дитя за век не схоронил? Разве тот, что и пожить-то не успел, а прямиком туда.... – Антип отнял правую руку от лопаты и, не разжимая кулака, указал большим пальцем на землю. – Брат-то мой, уж видно, с подземных работ не воротится. Сколько прошло уж, а там, говорят, дольше двух-трёх лет и не живут. За упокой мне за него давно молиться пора и пить, не чокаясь, а я всё как за живого.... И рюмку, и свечу. Вы, барин, не слышали ли

чего? И впрямь, может, жив? Может, убёг, а я и не знаю. Живёт где-нибудь далеко, за лесами, за полями, за реками. Женился, детишек нарожал, лавку суконную, как хотел, открыл....

– Всё нынче есть у него, о чём мечтал он, – произнёс Нестор. – Теперь твой Прохор в тёплых солнечных краях, в тихой уютной долине. Течёт по ней чистая жемчужная река, а по берегам её круглый год шумят колосья хлеба. Бери их сколько хочешь – не убудет! Гуляет Прохор по изумрудным лугам, усыпанным душистыми цветами, и слушает в рощицах пение птиц....

– Далеко ль это, барин? Край-то сей чудной.... – спросил дворник, заслушавшись удивительным рассказом.

– Дальше, чем новая земля за океаном. В раю твой Прохор, Антип, – наконец, выдохнул Нестор.

Услышав страшную весть, Антип так и обмер. Покрытое морщинами лицо его приняло выражение невыносимого страдания. Ещё мгновение – и в застывших от горя глазах старика показались слёзы. Он рухнул на землю, сгрёб руками листья и яростно зачерпнул полные пригоршни мокрого чернозёма.

– Сгубила, треклятая! – с бессилием и ужасом закричал Антип. – Сгубила молодца! Глубинами адскими изжарила! И сколько ведь молодых здоровых мужиков сгубит ещё! Когда закончится ад-то этот на Земле?!

– Скоро, Антип, – спокойно ответил Нестор. – Слово даю тебе: ни один мужик при мне не сгинет под землёю. Барщину сокращу и установлю справедливый оброк так скоро, как Господь мне бразды правления именем отдаст.

– Простите меня, барин, – устыдившись, произнёс поднявшийся с земли Антип и отряхнулся. – Простите старого дурня! Распоясался, место своё позабыл. И вы, барышня, простите.... Да вы плачете никак? Не плачьте, не горюйте. Что стоит для хозяйки жизнь холопа одного? Сегодня помер один, а завтра на место него двое новорожденных придут.

Я пыталась сдерживать чувства, но на щеках всё же заблестело несколько солёных дорожек, оставленных слезами. Глядя на Антипа, я видела сотни таких же задавленных бедностью и непосильным трудом, запуганных барским гневом крестьянских мужиков. Сердце моё сжималось от жалости к несчастным людям, которым выпала нерадостная доля родиться, прожить всю жизнь и умереть крепостными крестьянами.

– Полно, Антип. Я же всё понимаю, сам в отрочестве мать потерял! – вспомнил Нестор и заключил своего спасителя в крепкие объятия.

– Запачкаетесь, барин! – предостерег тронутый барскою лаской дворник. – Я ж как свинья весь.... Что коли барышню опосля меня обнять захотите?

– Пустое! Всё равно вечером в баню, – отмахнулся Нестор. – Да и ты тринадцать лет назад не побоялся обморозить руки! Забрал у тебя брата Господь. Зато сколько тебе детей подарил! Тишка, Глашка, Дуняшка – я всех и не припомню!

– Ваша правда, барин, – взбодрившись, согласился Антип. – Иным Господь и одно-то дитя не даёт. Но что мне с женою-то делать? Которые сутки Манефа в горячке лежит. Видно, холодом схватило её. Крыша в избе дрянная сделалась. Как дождь – воды по колено, хоть ведрами черпай.

Тут взгляд Антипа вновь упал на яркие кленовые листья, вылетевшие из кучи на дорогу. Он схватился за метлу. Однако Нестор достал из кармана целую горсть монет и поспешил остановить его:

– Да полно тебе мести-то, родимый! Такую красоту сметаешь! Только портишь романтический пейзаж и силы тратишь зря. Ступай к жене и детям, баранками их накорми. Ступай!

– Да тут не то что на баранки, тут, пожалуй, на целый стол свадебный хватит! – ошеломлённо и радостно воскликнул Антип, пересыпая на грубой немытой ладони блестящие барские монеты.

– Что же ты стоишь? Беги, корми семью! Время ужинать скоро придёт!

– Я, барин, и не обедал-то сегодня. И о детях не знаю, ели чего али нет. Рад бы пойти, да только батюшка ваш шкуру с меня спустит, коли увидит, что я до конца не подмёл.

– Не посмеет. Я скажу, что отпустил тебя.

– Благодарствую, барин, – в глазах пожилого крестьянина вновь заблестели слёзы, и он припал устами к руке хозяина. – Благодетель вы наш. . . . Без вас, уж верно, от голода и от болезней пропали бы.

– Ну, полно, Антип! Ты же знаешь: я такого не люблю, – признался Нестор. – Ступай лучше домой, жену крепко поцелуй. Я к ней сегодня посыльного с лекарством пришлю. Как поужинаете, за помощью к соседям обратись. Предложишь денег – охотно помогут тебе крышу починить. Но только вперёд не давай.

Мне не хотелось оставаться в стороне, и я решила помочь чужому горю тем, что имею.

– Вот, подари своей Манефе, Антип, – сняв с запястья великоватый мне браслет из белых жемчужин, сказала я, – У меня таких шкатулка целая, а у неё ни одного, наверно, нет.

– Ангела Господня берёте в жёны, барин! – несмело приняв подарок, с умилением воскликнул дворник.

– Твоя правда, Антип, – согласился Нестор. – И тебе с Манефой очень повезло. Как зеницу ока жену береги. Да смотри, детей крестить не забывай! Ну что же, ступай себе с Богом!

– Всё понял, барин. . . . Бегу! Храни вас Господь! И вас, барышня, тоже! Вот диво-то какое! – с этими словами Антип поспешил к воротам.

По пути старик ещё несколько раз оглянулся, согрев нас благоговейным благодарным взглядом. Несколько минут – и он, скрывшись за воротами, поспешил домой, к жене и детям. Мы с Нестором снова остались вдвоём под пёстрой сенью раскидистых старых деревьев, на центральной аллее, у безжизненно застывшего до весны круглого фонтана. Фонтан не работал, хотя на улице ещё было тепло.

– Отец с нетерпением ждёт ноября, – словно прочитав мои мысли, произнёс Нестор. – Все радуются последним тёплым денькам, но он просто проклинает их. Он ненавидит лето. Ему наскучило палящее солнце, надоели яркие цветы и даже эти нарядные листья. Солнечный свет раздражает его даже в прохладные и пасмурные дни. Мёртвый холод и беспросветный мрак – лишь они могут смягчить его страдания. Но и они ничто без пары стаканов свежей крови крепостных.

– Горька крестьянская доля, – вздохнула я. – Особенно при хозяине, который требует платить такую страшную дань. . . .

– Горче полыни, – согласился Нестор, приобнимая меня за плечи. – Но и доля дворянина тоже не проста. Помещик должен быть не только своим кровным детям, но и всем своим крепостным хорошим отцом. И плох тот родитель, у которого дети как беспризорники просят подавание. Отец с ранних лет посвящал меня в хозяйственные дела. Сажал подле себя на высокое кресло, открывал расходные книги и втолковывал мне, что в нищете мужик сам виноват, что глупый он как пробка, неотёсанный как полено. Утверждал, что, сколько жалованья ни дай мужику, он всё пропьёт, ибо самим творцом заложена в нём натура скота, пригодного только для пахоты.

Дойдя до центральных ворот, мы изменили маршрут и принялись бродить по другим аллеям огромного парка. Долгожданное уединение на лоне засыпающей природы возвратило в мою душу мир и покой.

– Тебе нравится осень? – полюбопытствовала я, заметив, с какой необыкновенной нежностью он смотрит на мои пальцы, тихо перебирающие в маленьком букете осенние листья.

– Всякая пора прекрасна, – ответил он, и наши взгляды снова встретились. – Осень склоняет к меланхолии и рефлексии, зима бодрит морозом и возвращает в детство рождественскими хлопотами, весна радуется природным возрождением и заманивает в сети Амура, иногда

непорочного, но чаще лукавого. Лето – это и вовсе благодать: буйство зелени, горячее солнце и безумное кипение жизни повсюду. Я всегда считал глупым сетовать на дожди и снега. Снега закаляют нас, а дожди дают хороший урожай. Не всегда всё так однозначно, как нам кажется. Иной неприметный и бледный цветок на самом деле есть бесценное лекарство, а иной – смертельный яд, несмотря на всю привлекательность окраски, на всю пышность и манящее благоухание своё.

– О чём ты? – пытаюсь проникнуть в суть его занятого иносказания, спросила я.

– У многих ведьм зелёные глаза, – продолжил Нестор, и задумчивый взгляд его помрачился каким-то неприятным воспоминанием, очевидно, связанным с Маргаритой. – Но эта зелень – опаснейшая болотная топь. Они лукавы и коварны, они светятся в темноте как кошачьи, они видят насквозь и жадно высасывают силы. Они каким-то колдовством приковывают взгляд, но смотреть в них – страшная мука. Совсем иное – твои глаза, Юля. . . . Глаза благородной и честной девушки, истинной христианки. Цвет их так мягок и нежен, что едва ли найдётся на свете лёгкая рука, которая сможет запечатлеть его жёсткой кистью на грубом холсте. Они как свежие незапылённые майские листья. В них вечная весна. Они мой неизведанный, вечно цветущий рай.

Заслушавшись речью Нестора, я и не заметила, как далеко мы ушли от центральной аллеи. Здесь, в глубине старого парка, за холодным ручьём с перекинутым через него узким мостиком притаился небольшой античный портик из четырёх округлых греческих колонн и плоской крыши. В нём, словно ожидая нас, стояла почти незаметная, оплетённая пожелтевшими вьющимися растениями лавочка.

– Вам не холодно, сударыня? – заметив, что я то и дело потираю ладони, участливо спросил он и твёрдыми шагами направился к беседке.

– Ну что вы, князь? Вовсе нет! – покорно следуя за ним, попыталась солгать я.

– Дайте мне руку, – усадив меня на слегка припорошённую осенними листьями лавочку и устроившись рядом, попросил он, и я исполнила просьбу.

Он обходительно напечатлел на моих похолодевших запястьях несколько согревающе-нежных поцелуев, а после надолго заключил мои кисти между своих живых и тёплых ладоней.

– Впредь пообещайте быть со мною откровенной, Юлия Александровна, – строго произнёс Нестор, хотя блестящие от искренней радости глаза его смеялись.

– Обещаю, – с улыбкой сказала я.

Я и не заметила, как лёгкое соприкосновение наших рук переросло во взаимные жаркие объятия. Наши уста были в доле секунды от поцелуя, когда тишину внезапно прервал пронзительный женский крик.

Глава 6. Ананий

– Спасите, люди добрые! Христа ради, помогите! Убивают! – донёсся до нас молодой женский голос, и мы, забыв обо всём, бросились на помощь.

Картина, открывшаяся нам на одной из полян, просто ошеломила меня. Трое мужчин в длинных чёрных одеждах грубо заламывали руки юной крестьянке. Несчастливая, плача навзрыд, стояла на коленях. Над нею в позе грозной повелительницы возвышалась молодая светловолосая женщина в нарядном чёрном платье, которое показалось мне знакомым. В руке блондинка крепко сжимала плеть. На оголённых плечах в чём-то провинившейся крестьянки виднелось несколько свежих кровоточащих полос, оставленных орудием наказания. Приглядевшись, я узнала в безжалостной особе, учиняющей расправу, содержанку Виссариона Арину.

– Где моё любимое кольцо? – не замечая нас, свирепствовала она.

– Какое кольцо? Вот вам крест – не видала! – содрогаясь всем телом от страха, ответила девица.

– То самое, что его сиятельство мне подарили! Золотое, с шестигранным антрацитом! Немедля сказывай, дрянь!

– Да отколь знать-то мне? Я сирота, всю жизнь у тётки прожила... У меня с роду ни серебра, ни золота не бывало!

– Не бывало – вот и решила чужое прикарманить! Ты вчера мыть полы приходила – ты и своровала! Держите её крепче! – повелела Арина двум мужчинам, и те с молчаливо-угрюмой покорностью исполнили приказ.

– Только не это! Нет! – в отчаянии закричала крестьянка, и Нестор ринулся вперёд.

– Да что же ты делаешь, тварь?! Кто тебе такое право дал?! – закричал Нестор на Арину. Однако та лишь расплылась в лучезарной восторженной улыбке.

– Ах, это вы, Нестор Виссарионович! Никак прогуляться решили... А я здесь уму-разуму воровку учу. Забыли, что я над всеми девками в доме стою волей вашего почтенного батюшки?

– Отдай сюда это, – властно потребовал Нестор, указав взглядом на плеть, и Арина всё с той же сахарной улыбкой подчинилась. – Если ты ещё раз посмеешь сделать это без распоряжения хозяев, то недолго придётся скучать твоему заду без ядрёных розг!

Обескураженная Арина на несколько мгновений замерла с приоткрытым ртом, широко распахнув от неожиданности кукольные голубые глаза.

– А вы что тут делаете? – обратился Нестор к мужчинам в чёрных одеждах, которые удерживали обвиняемую крестьянку. – С каких это пор вы стали исполнять приказы девки крепостной? Я жду ответа, господа!

– Так это же не просто девка. Это же Арина Ивановна, ваше сиятельство, – ответил самый смелый из помощников белокурой надзирательницы.

Его оправдание привело Нестора в настоящее бешенство.

– Ах, вот оно что! Арина Ивановна, значит! – швырнув плеть на землю, воскликнул он. – А кто такая Арина Ивановна эта, вам ведомо? Нет? Что ж, я напомним вам: она не супруга моему отцу. Она всего лишь его содержанка. Вам известно значение этого слова?

– Но ведь она воровка! – указав на избитую крестьянку, возразил всё тот же смельчак, и Нестор, переведя дыхание, насилу удержал в себе новую волну разрушительного гнева.

– Запомните раз и навсегда, – громко повелел он, прожигая глазами насквозь лица мужчин. – Во-первых, ни единое наказание в этом доме не совершится, пока вина не будет доказана. Во-вторых, решение о наказании крестьян могут принимать только их законные хозяева.

– Но ведь их сиятельство Чёрный князь одобрили сие наказание-с, а они, осмелюсь заметить, и старше, и влиятельнее вас.

– Исчезните с глаз моих, дьяволы! – приказал Нестор и, разозлившись в ответ на медлительность в исполнении приказа, решительно обнажил лезвие сабли. – Пошли все вон!

Безоружные мужчины в чёрных одеждах бросились наутёк. Мы остались на поляне вчетвером: я, Нестор, белоснежно улыбающаяся Арина и ничком упавшая на сырую траву крестьянская девушка. Несчастливая больше не кричала и не рыдала, а только, не двигаясь, словно мёртвая лежала на земле.

– Что смотришь? Ну, давай, накажи меня! Барин... – вплотную приблизившись к Нестору, расслабленно-томным голосом пропела Арина и кокетливо прикрыла глаза ресницами. – Я так мечтала получить хоть чуточку твоего внимания! Батюшка-то твой уже не тот, хворает с годами всё сильнее. А ты такой молодой, здоровый, сильный... Страстный! Госпожа Марго охотно делилась со мною, каков ты можешь быть. Да и сама я в щёлочку видела...

– Молчать! – оборвал неприятный спектакль Нестор, сбросив со своего плеча Аринину руку.

Грозный оклик хозяина ещё больше раздражил её.

– Ишь, ты злой какой, барин! – не повышая голоса, покачала головой она. – Видно, барышня твоя не спешит тебя голубить. Свадьбы хочет, хитрая. А ты и рад по рукам и ногам себя связать. В двадцать-то годков!

– Какое твоё дело собачье?! – услышав оскорбление в мой адрес, не на шутку рассердился Нестор. – Мои отношения с Юлией Александровной тебя не касаются.

– Ну что ты, милый мой, полно, не сердчай, – не оставляя омерзительного флирта, коварно усмехнулась Арина. – Марго твоя уже в путь собирается, волосы гребешком рубиновым чешет, ножки розовой водою умывает, чтобы слаще тебе было целовать их!

– Молчи, безумная! Теперь всё в прошлом. Я намерен обвенчаться с Юлией. А ты скоро ответишь за всё. Всё отольётся тебе кровью и слезами! И это не угроза. Это предсказание твоего ближайшего будущего.

– Ах, как страшно, гореть мне в аду! – саркастически воскликнула Арина и вновь широко заулыбалась. – А впрочем, это только к лучшему. С тобою там увижусь, барин. Это куда веселее, чем скучные тропиночки рая топтать.

– Пошла долой с глаз моих, – негромко, но властно произнёс Нестор.

– Так скоро? – чувственно переспросила она.

– Пошла вон, я сказал! – повторил Нестор, и Арина, себялюбиво ухмыльнувшись, неторопливо направилась в сторону дома.

– Вставай! Ты слышишь меня? – тихо позвала я крестьянскую девушку, которая до сих пор так и не поднялась с мокрой травы.

– Домна, встань с земли, не то простудишься и захвораешь! – окликнул её Нестор, и она встала.

– Может, и лучше даже будет, коли захвораю, – понуро глядя в землю, равнодушно пробубнила она. – Дядька мой нынче летом на дворе удавился. И я удавлюсь. Всё лучше, чем такое житьё-бытьё!

– Безумная! – возмутился Нестор и, коснувшись подбородка крестьянки, заставил её поднять глаза. – Да знаешь ли ты, что самоубийцы Богом к убийцам причисляются и в преисподнюю наравне с ними попадают? Дядька твой умалишённый был и водку пил, оттого и удавился. А ты девица здоровая и молодая. Не старше невесты моей, как я погляжу... Сколько тебе?

– Шестнадцать годков.

– Купи себе новый красивый платок, да потеплее. Зима морозная будет, – протянув Домне блестящую монетку, улыбнулся Нестор. – А что касается обидчицы твоей, то это не сойдёт ей с рук. Кто такая Арина? Всего лишь девка крепостная. Уговорю отца продать её – и дело с концом. Ступай к себе и не трогай раны грязными руками: они могут загноиться. Скоро я пришлю тебе лекарство, – пообещал Нестор.

– Благодарствую, – в пояс поклонившись, сказала Домна и побрела к выходу из парка. Тут к нам подбежал какой-то запыхавшийся мужичок.

– Доброго здравия, барин! – сказал крестьянин.

– Здравствуй, Егор! – поприветствовал в ответ Нестор.

– Ананий прислал вам о делах на конюшне доложить, сказывал, что обрадуетесь. Аврора в ночь жеребёнка принесла.

– Прекрасная новость! – повеселев, согласился Нестор. – Что же отпрыск? Здоров?

– Ох, барин, не жеребёнок, а диво! Здоровый, крупный. А красавец-то какой! Вороной, тонконогий, в глаза как будто ложкою столовой звёзд насыпали! Один-в-один ваш Орион!.. Ну что ж, поспешу я к лошадам своим. Разрешите откланяться.

– Ступай, Егор, – отпустил конюха Нестор, и тот скрылся из вида.

– Куда мы теперь? – спросила я.

– Зайдём на конюшню. Мне бы хотелось показать тебе своего коня Ориона. Да и на жеребёнка любопытно взглянуть.

Обойдя усадьбу, мы отправились на хозяйственный двор. Путь туда оказался недолгим: за пылающей осенним янтарём листвы и рубинами спелых ягод рябиновой рощицей показалось длинное одноэтажное строение. Подойдя чуть ближе, я отчётливо услышала ржание лошадей.

– На всякий случай смотрите под ноги, сударушка, – приостановившись, предостерег мой любимый, и я кивнула в знак согласия.

У самого входа в конюшню нас едва не сбил с ног юноша с мягкими и чрезвычайно живыми чертами лица и опущенными до плеч каштановыми волосами. Невысокий и худощавый, он был одет в свободную крестьянскую рубаху, простые штаны и в забавную широкополую шляпу с истрёпанным синим пером, бросавшую на лицо резкую тень. На ногах его красовались небольшого размера сапоги.

– О, вы поглядите-ка! Барин молодой наконец-то к нам пожаловал! Да ещё и с такой нарядной барышней. Ананий! – весело и непринуждённо представился незнакомец и как давнему приятелю протянул мне руку, отчего я окончательно смутилась и растерялась.

– Здравствуй, сорванец, – поприветствовал Анания Нестор и обратился ко мне с просьбой. – Пожми ему руку, милая. Иначе он затаит обиду на тебя.

Звонкий и отрывистый голосок конюха показался мне после мягкого мужественного баритона Нестора непривычно высоким. Рядом с ним мой суженый выглядел ещё взрослее и серьёзнее.

– Юлия, – представилась я, некрепко пожав ещё мальчишескую, но уже огрубевшую от работы ладонь Анания.

– Отменный выбор, однако, – прищурившись и окинув меня оценивающим взглядом, вынес вердикт Ананий. – Барышня прехорошенькая, видно, что не глупая. В качестве первой жены вполне сойдёт.

Колкая ирония беспечного мальчишки не обидела меня, хотя немало удивила.

– Рад был угодить на твой вкус, – усмехнулся Нестор. – Но только жена у меня будет одна на всю жизнь. Вот эта. Запомни в лицо. Так что если впредь шутить так вздумаешь, надеру тебе уши как мальцу, своровавшему вишню.

Последние слова не прозвучали как серьёзная угроза. Тем не менее они заставили юного конюха ненадолго присмиреть.

– Что ж, не буду. Да вот только и твои уши, барин, могут пострадать, – заметил Ананий. – Как батька-то узнает....

– Ну, это уже забота не твоя, – не восприняв предостережения Анания всерьёз, произнёс Нестор.

– Ты к нам надолго али как, барышня? – полюбопытствовал Ананий.

– Я не знаю, – ненадолго призадумавшись, сказала я. – Виссарион Афанасьевич против того, чтобы мы с Нестором были вместе.

– Коли в самом деле барина любишь, оставайся, – посоветовал Ананий. – И думать тут нечего! А громовержца нашего не бойся. Днём он на улице носа не кажет. Коли его солнце припечёт, по телу язвы и коросты поползут как у прокажённого. Ночью звереет, рвёт и мечет, но и к этому мы уж привыкли. Ты на всякий случай ночью подле барина будь. Он не даст тебя в обиду.

– И в самом деле: ведь мне придётся ночевать у тебя, – глядя на закатное небо, одетое темнеющими облаками, произнесла я. – Будет ли это удобно?

– Я с удовольствием уступлю вам свою постель, сударыня, – гостеприимно пообещал Нестор.

– Зачем же? – возразила я. – Я вполне могу поместиться на диванчике, на котором мы сидели во время обеда.

– Смешные вы, господа! Как будто дети малые! – не выдержал Ананий. – Да там у вас кроватица такая, что на неё можно четверых уложить! Юлия, что тебе мешает просто лечь с ним рядом? Укусит он тебя что ли? – спросил Ананий, и я, заулыбавшись, потупила взгляд.

– Как ты обходишься с барышней, негодник! – воскликнул подошедший к нам Варфоломей. – И не совестно тебе скромной благородной девице такие вопросы задавать?

– Разве я плохо обходился с тобой? – не поняв упрёка, напрямую спросил у меня Ананий.

– Нет, – немного растерянно ответила я.

– Так в чём проблема, старик? – простодушно спросил Ананий. – Я же не плодиться им до венчания велю, а просто вместе на мягком поспать и не рядиться, кому отлёживать бока на маленьком диванчике.

– Тогда, стало быть, ни в чём, – сердито нахмутив брови и немного помывав в раздумьях, сдался Варфоломей. – Ни в чём, коли Юлия Александровна прощает тебе недостойное поведение и позволяет обращаться к себе на «ты». Не всякая благородная барышня потерпит такую неучтивость! Ты должен извиниться перед ней за дерзость и за то, что без нужды встречаешь в столь интимные господские разговоры.

– Прошу прощения, сударыня. Я не стану более... встречать, – покорно пробубнил Ананий и, не удержавшись, снова рассмеялся.

– Да ты и вовсе тронулся рассудком, как я погляжу. Что подумает о тебе наша гостья? – пристыдил Анания Варфоломей.

– Я думаю, что вы слишком строги с ним, – стараясь говорить спокойно и вежливо, вмешалась я. – Я не наследница престола, чтобы так церемониться со мной. Да и ничего страшного тут не случилось.

– А он любитель на самом пустом месте выдумать проблем, а после ворчать как старый дед. Ты посмотри на него только! – воскликнул Ананий и сорвал с Варфоломея шляпу. – Сорок два года только от роду, а он весь как старик поседел!

– Если и так, то от серьёзных дум о будущности семьи моей, – не отрицая очевидного, нерадостно произнёс Варфоломей. – Это ты ещё дитя, ничем особенно не обременённое.

– Экий Софокл! Вы поглядите на него! «О будущности семьи моей...» – передразнил Ананий настолько реалистично, что я едва не засмеялась.

– Вы не слушайте его, Юлия Александровна. Сам не знает, что мелет. Головой ушибся в детстве сильно, да с тех пор вот... – Варфоломей обречённо махнул рукой. – Даст Бог, прояснится у него, когда в лета мои взойдёт. Поколение нынче подрастает такое, что диву даёшься. Вот, помнится, в молодости моей и подумать не смели...

– Вот и то, о чём я говорил тебе! Пожалуйста! – сказал мне Ананий. – Старик стариком и с тобой как со старухой беседует.

– Отчего же как со старухой? – спросила я.

– А я-то почём знаю? Видать, другому способу беседы не обучен, – поиграв со смыслом моего вопроса, усмехнулся Ананий и дал Варфоломею дерзкий совет. – Ты за Варькой-то в оба гляди. А то уйдёт, моложе и резвее найдёт себе. Молодая ведь ещё. Не то что ты.

– За Варькой? – изменив своему спокойствию, грозно переспросил Варфоломей. – За какой такой Варькой? Повторяй: Варвара Лукинишна! Ну!

– Варвара Лукинишна, – хмуро пробубнил Ананий себе под нос.

– То-то же. Чтоб по-другому и не слышал. И полно возводить напраслину на мою жену. Мы с ней перед лицом Бога в своё время поклялись....

– Скучно с тобой, старик! – зевнул Ананий. – Пойду на псарню загляну. Его сиятельство охоту завтра затевают, собак отобрать велено....

– Постой-ка, любезный, – остановил его Нестор. – Есть дело важнее. Нарви гранитоцвета, два букета по пять стеблей. Первый букет отнеси в дом у родника. Отдашь его девице Домне, велишь ей сделать из цветов и листьев отвар, пропитать им чистую тряпицу и на ночь к ране приложить. Другой букет отнеси подальше, к ельнику. Эта улица против леса прямо, а дом стоит, два двора не доходя до околицы.

– А жеребёнка посмотреть сперва не хочешь, барин?

– Ах, да! Жеребёнок! – спохватился Нестор. – В конюшне прибрано?

– А то! Трое скотников нынче после обеда убрали и лошадей чистили, – с гордостью доложил молодой конюх. – А жеребёнок в крайнем стойле, так что даже и с порога увидите. Вороной, бархатистый.... Любо-дорого поглядеть!

Войдя в конюшню, мы увидели на соломенной подстилке, подле крупной буланой кобылицы маленького и неокрепшего вороного жеребёнка. Детёныш был ещё так мал и слаб, что даже не мог подняться на свои тоненькие ножки.

– Какой крошечный! – слетело с моих уст, стоило мне только увидеть его.

– Напротив, вымахал сверх меры, – со знанием дела возразил Ананий. – Как только в материнском чреве поместился?

– Красавец.... Крупный, здоровый красавец! Погляди, какие у него глаза! – восхищённо подметил Нестор.

Жеребёнок повернул ко мне узкую мордочку, и сердце моё затрепетало от умиления.

– Как звёздочки! – встретившись взглядом с тёмными, но ослепительно сияющими по какому-то волшебству лошадиными глазками, сказала я.

– Имя бы дать ему, барин. Сами назвать не решились, – признался Варфоломей.

– А тут и думать нечего. Ригель, – произнёс Нестор, а после подробно обосновал свой необычный выбор. – Ригель – одна из самых ярких звёзд Ориона, да и всей нашей Галактики. Бело-голубой сверхгигант, который в сто раз ярче Солнца.... Древние египтяне связывали Ригель с богом возрождения и царём загробного мира Осирисом.

– Мастер ты, барин, по звёздам лошадок называть, – восхитился Ананий. – Ну что же, за гранитоцветом мне бежать?

– Да, но приведи-ка прежде Ориона, – попросил Нестор. – Я давно не виделся с ним.

– Лечу стрелой! – сказал Ананий и бросился исполнять приказ.

Он привёл под уздцы высокого и статного, чёрного как самая беззвёздная ночь тонконового жеребца с густым водопадом блестящей угольной гривы. Когда конь подошёл ближе, Нестор смело подал ему руку. Вытянувший мощную шею жеребец несколько раз ткнулся мордой в раскрытую ладонь, а после громко и радостно заржал.

– Узнал, красавец! Молодец, узнал! Знакомься: это мой Орион, – представил мне своего коня Нестор, и тут его любимец, раздув ноздри, с любопытством потянулся к моему плечу. – Не бойся, он просто хочет обнюхать тебя.... Ну что, дружище, ты теперь молодой отец! Сын у тебя. Вот так! А давно ли сам несмышлёным крохой таким был? А потом вырос, но всё капризничал, оседлать себя не давал.

- А помнишь ли ты, кому удалось оседлать его, барин? – вмешался в разговор Ананий.
- Неужели тебе? – предположила я.
- А что? Разве не похоже, что я могу оседлать коня?
- Нет, что ты. Просто ты ещё так молод. . . .
- А молодость – это, по-твоему, порок? – спросил Ананий. – Нестору Виссарионовичу всего двадцать годков, а дюжину старых академиков заменит!
- Ты преувеличил, любезный, – скромничая, не согласился мой суженый и бросил взгляд в небольшое окошко, за которым догорали последние лучи заходящего солнца. – Уже смеркается. Время ужинать, сударыня.
- Разрешите пригласить вас, барин, – обратился к Нестору Варфоломей. – Варвара к вечеру отменные обещала пироги: и картофельные, и капустные, и сладкие. . . .
- Что ж, я бы с удовольствием отведал твоих пирогов, – охотно принял заманчивое приглашение Нестор. – А вы что скажете, Юлия Александровна?
- И я бы с удовольствием их отведала, – сказала я.
- А мне что прикажешь делать, барин? – спросил Ананий.
- Отнеси в деревню лекарства, а после присоединяйся к нам, – ответил Нестор.
- Я мигом, барин! – пообещал Ананий и даже прежде, чем мы вышли из конюшни, скрылся из вида.

Глава 7. Славный вечер у Гавриловых

Мы направились в сторону флигеля Варфоломея, и вскоре нас догнал запыхавшийся крестьянин с конвертом.

– Вот, барин! – протягивая письмо, сказал он. – Посыльный велел передать.

– От кого? – поинтересовался Нестор.

– Знать не знаю. Я грамоте не разумею. Писано там, стало быть.

– Ступай, – отпустил его хозяин.

После ухода крестьянина мой любимый не поспешил вскрыть конверт, и я поняла, почему. Перед моими глазами была фраза: «Князю Нестору Виссарионовичу Вяземскому от г-жи Маргариты Оболенской».

– Прочтём его вместе? – предложил Нестор, и я кивнула.

Он небрежно разорвал конверт. Внутри оказался источающий резкий аромат женских духов лист бумаги с алым отпечатком губ посередине. В послании было написано следующее:

«Здравствуй, мой ненаглядный. Я приняла приглашение твоего отца и верю, что ты будешь рад видеть меня не меньше, чем он.

Я знаю, что у тебя в гостях самонадеянная и наивная девица, которая искренне верит, что ты женишься на ней. Будь добр, потрудишься до моего приезда выгнать её. Иначе мне придётся сделать это самой. У нас впереди чудесная ночь, и мешать нам я никому не позволю.

Я буду у тебя после полуночи. О, Мефистофель мой, я вся горю, вспоминая тот день, когда ты стал моим! Твои безумно счастливые и растерянные как у мальчика глаза, сильные руки, безупречное, раскалённое от страсти тело, никому не принадлежавшее прежде! Не упрямясь же и покорись своему счастью. Тебе всё равно не сбежать от меня.

Твоя алая камелия»

На этой самоуверенной ноте письмо Маргариты закончилось.

Я подняла глаза на Нестора. Щёки его пламенели от стыда, а горящие как угли зрачки ненавидящим взглядом сжигали напомнивший об ошибке прошлого лист бумаги. Нестор нахмурился и беспощадно скомкал письмо.

– Сделай милость, брось это в печь, – приказал он Варфоломею.

– Слушаю, барин, – ответил тот.

Мы покинули хозяйственный двор. К этому времени вернулся из деревни Ананий.

– Дело сделано, барин! – подскочив к нам неподалёку от флигеля Гавриловых, весело отчитался мальчуган. – Всё доставил куда следует!

– Как ты управился так быстро? – поинтересовался Нестор. – Перепоручил кому-то?

– Перепоручил... – оскорбившись подозрением хозяина, хмуро протянул Ананий. – А свои ноги на что?

– Да верю я, верю. Знаю, что как на крыльях летаешь. И ветру тебя не догнать. Но довольно уж тебе работать на сегодня. Ужинать пора.

Флигель Варфоломея был двухэтажным: под двускатной крышей виднелось маленькое окошко мансарды. По всему было заметно, что в нём течёт тихая и скромная, но не бедная простыми крестьянскими радостями жизнь. Возле домика, у аккуратной круглой клумбы с осенними цветами стояла выкрашенная белой краской лавочка, а к высокому крепкому дубу недалеко от крыльца были подвешены детские качели. Здесь же виднелся огороженный с четырёх сторон деревянными рейками пригорок светлого песка, на котором кто-то забыл игрушечное ведёрко и лопатку.

– Эх, Алёнка, опять всё растеряла. И плачет ведь, небось, – подбирая игрушки и отряхивая их, предположил Варфоломей.

– Да уж, рёва ещё та. Ты б её видела, – сказал Ананий. – Четвёртый год уже девке, а как затеет выть, во дворе даже слышно. И хоть бы шлёпнули разок – всё терпят. Да и других балуют, лишний раз работать не пошлют. Чуть снежок припорошит – на старшую девку шубу надевают, как бы простуда с ней какая не случилась.

– Уже и до Акулининого полушубка добрался! Тошно тебе что ли от того, что девочке тепло? – возмутился Варфоломей. – Будут свои дети – будешь сам воспитывать, как хочешь. А пока....

– А пока смотри, как я сына своего словно мадемуазельку холю и лелею! Малец ещё, а стариковские фразы твои повторяет. С деревенскими детьми не играет, у материной юбки сидит.

– Ну, полно вам в самом-то деле! – строго, но дружелюбно примирил Нестор верных слуг. – Из-за детских игрушек устроили брань! Варвара наверняка заждалась нас! Пойдёмте!

Окна флигеля не были завешены, как в барском доме, тяжёлыми портьерами: сквозь чистые стёкла виднелись лишь лёгкие голубые занавески. На подоконниках приютились небольшие горшки с бесхитростными, но ухоженными комнатными цветами.

– Пожалуйте, барин, – гостеприимно открывая дверь, сказал Варфоломей.

Нестор учтиво пропустил меня вперёд, и я несмело зашла в незнакомый дом, который мне очень понравился. Я оказалась в просторной и светлой, в два окошка комнате. Её украшала огромная, точно в сказке, белая печь с полукруглой чугунной заслонкой. На печи были нарисованы красные, жёлтые и синие цветы и зелёные листочки. Посередине стоял длинный стол, накрытый нарядной пёстрой скатертью. На нём золотился пузатый самовар, окружённый десятком фарфоровых чашек. Лакомства в больших глубоких блюдах были прикрыты домо-ткаными салфетками. В комнате стоял восхитительный аромат свежееиспечённых пирогов. В красном углу виднелось несколько старинных икон, перед которыми горела лампадка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.